

Тэмуджин · Рождение вождя
ЧИНГИСХАН

Алексей Гатапов

**Чингисхан. Тэмуджин.
Рождение вождя**

«ФТМ»

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гатапов А.

Чингисхан. Тэмуджин. Рождение вождя / А. Гатапов — «ФТМ»,
«АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-102792-6

Юный Тэмуджин потерял отца и познал жестокость и несправедливость мира еще в раннем детстве. Однако огромная сила воли, крепость духа и врожденная непокорность позволили мальчику преодолеть трудности, выжить и завоевать уважение соплеменников. Алексей Гатапов пишет о том, как ребенок превращается в мужчину, и это совсем не простая история взросления, ведь в романе реконструируется детство Тэмуджина, будущего Великого Хана – Сотрясателя вселенной. Легендарный Чингисхан, грозный завоеватель, жестокий и властный правитель, основатель Монгольской империи, здесь показан с непривычной стороны: как живой человек, которого окружают родные и незнакомцы, друзья и враги. В романе подробно воссоздан быт древних монголов, их речь и обычаи. Читатель почувствует свежий степной ветер, услышит топот быстрых копыт и ощутит, как мир затаил дыхание в ожидании скорых потрясений.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102792-6

© Гатапов А., 2017
© ФТМ, 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Книга первая	7
Часть первая	7
I	7
II	11
III	17
IV	24
V	32
VI	36
VII	43
VIII	47
IX	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Гатапов

Тэмуджин. Чингисхан. Рождение вождя

© А.С. Гатапов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

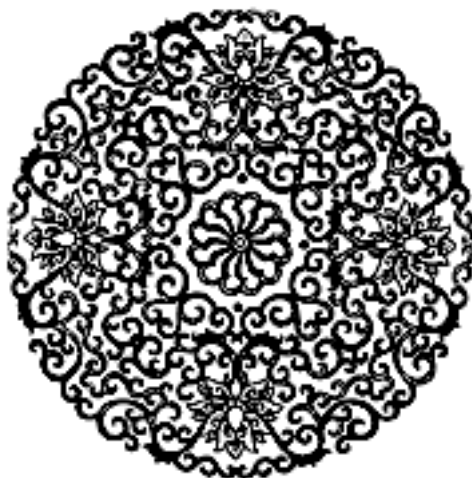
*Всякую лошадь, бегущую хорошо в жирном теле,
если она побежит так же в полтеле и тощей,
можно назвать хорошей.*

*Всякий, кто может вести верно дом свой,
может вести и владение;
всякому, кто может устроить десять человек...
прилично дать тысячу и десять тысяч,
и он сможет устроить их хорошо.*

«Билик» (изречения Чингисхана)

Книга первая

Часть первая

I

Есугей, будущий отец Чингисхана, слыл одним из самых знатных внуков великого Хабул-хана и исчислял себя в двадцать втором поколении от породителя их племени Бортэ Чоно. Еще во времена тюрков Тумэн-хагана отважный Бортэ Чоно переплыл Внутреннее море с запада на восток и пришел в долину Онона. Здесь от него и пошло по земле племя монголов. Потомки его так размножились за века, собрали вокруг себя столько разного народа, что от тесноты и многолюдства уже начали враждовать между собой.

Хабул, дед Есугея, первым собрал всех монголов под свое знамя и повел их на чжурчженей, которые до этого тучами наводнили степь и рыскали повсюду в поисках добычи и жертвы, и многие племена были ими рассеяны и истреблены. В двух битвах монголы наголову разбили тех разбойников и прогнали их обратно, за Длинную стену. И благоденствовали бы монголы, если бы не подлые татары, эти чжурчженские прихвостни. Не было в те годы, пожалуй, ни одного лета, чтобы они не напали на монгольские курени, не угнали табуны и людей. Хабул-хан жизнь свою положил на борьбу с татарами, от татарской стрелы и покинул он этот мир.

От Хабул-хана пошел род киятов. Имея семерых сыновей, Хабул-хан трон свой завещал не кому-нибудь из них, а своему троюродному брату Амбагаю из рода тайчиут. Амбагай же захотел помириться с татарами и поехал к ним, чтобы посвататься, а те схватили его и передали в руки чжурчженей. Перед смертью он сказал, кому отдать ханский трон: тоже не своим детям, а снова киятам – четвертому сыну Хабул-хана, Хутуле-багатуру. Так рука об руку шли два старших рода в племени монголов – кияты и тайчиуты.

Хутула умер молодым, не успев назвать преемника. Достойные были и у тайчиутов, и у киятов. В племени поговаривали о Есугее, но тайчиуты настойчиво прочили своего сородича – коварного и властолюбивого нойона Таргудая Хирэлтэга.

Имя Есугея среди монгольских нойонов возвысилось в последнюю войну с татарами. Вдобавок к своим породным нукерам, полученным в наследство от покойного отца, он набрал трехтысячный отряд из безусых юношей, молодых рабов и сброда охотников. Обучил их в

короткое время, одел, вооружил, и с такой яростью бились они под его рукой, что татары прозвали их голодными осами Есугея-нойона.

В сражении у Джили-Буха Есугей поднял упавшее знамя Хутулы и бросился впереди своих на отборный тумэн противника. Сотни его одна за другой взбесившимися роями впились в ряды врага, потеснили его и захватили главную ставку татар. Хан их Мэгуджин-Соелту едва успел спастись, сев на полудикого верблюда.

Обогатился Есугей в той войне несказанно. Несчетные табуны лошадей и верблюдов, стада коров, овец, семьдесят с лишним арб, наполненных китайскими тканями, войлоком, чугунными и железными котлами, оружием и доспехами привел он оттуда с собой.

Воинов, бывших с ним в походе, он расселил на своей земле. По границам его владений теперь встали новые курени. Бывшие разбойники, пленники, беглецы без роду и племени, женившись на его рабынях и дойщицах кобыл, пополнили число его подданных – и теперь Есугей владел силой немалой.

После победы над татарами в степи стало спокойнее. Меркиты, соседи на северо-западе, тоже давние недруги, увидев, что монголы вошли в силу, откочевали вниз по Селенге и редко показывались на границах. Мелкие племена дагуров на северо-востоке, кочевавшие по низовьям Онона и по Шэлгэ, боялись монголов, в иные годы укочевывали дальше на восток, в неведомые земли по Черной реке.

Лишь кереитский поход ненадолго всколыхнул застоявшуюся тишину в степи. Полтора тумэна увел тогда Есугей на реку Толу в помощь наследнику кереитского трона Тогорилу против его младшего брата Эрхэ-Хара. Тот после смерти отца снюхался с найманами из-за Алтайских гор и при их помощи вероломно захватил власть в улусе. Монголы прогнали найманских пособников до самых их границ, прошлись набегами по их окраинам и тоже захватили немалую добычу.

Празднуя победу, Есугей с Тогорилом побратались на крови из своих жил, поклялись приходить на помощь друг другу по первому зову. Многие монгольские нойоны, поначалу не отозвавшиеся на клич Есугея, посчитав, что не много добычи будет из такого похода, теперь истекали завистью, услышав об этом. По лицам их видел это Есугей, возвратившись из похода. Поздно они поняли смысл его побратимства с Тогорилом: силу всего кереитского ханства имел теперь Есугей за своей спиной, если кто вздумает поднять на него оружие. Для многих, кто раньше соперничал с ним во влиянии в племени, он стал не под силу. Могущественные нойоны, повелители тумэнов, раньше снисходительно усмехавшиеся при имени молодого Есугея, теперь поприжали рты.

Было у Есугея две жены и дети от них. Еще пяти лет не исполнилось ему, когда отец его Бартан-багатур просватал за него дочь онгутского нойона – двухлетнюю Сочигэл. Сваты обменялись поясами, а на Есугея пал долг взять ту Сочигэл в жены, когда подоспел пора. Но когда пора подоспела, он встретил другую. В безлюдной степи, возвращаясь с соколиной охоты, в повозке случайного путника он увидел девушку необычайной красоты. Глаза ее, блестящие черным огнем, словно крупные ягоды черемухи после теплого ливня, обдали пораженного Есугея светом и лаской. Путник оказался меркитским багатуром Ехэ Чиледу. Высватав эту девушку из племени олхонут, он вез ее в свой курень. Но с детства не такой был Есугей, чтобы отказаться от того, что ему однажды понравилось. Подобно молодому лосю на осенней свадьбе прискакал он к братьям и рассказал о своей задумке. Но те наотрез отказались ему помогать.

– У тебя уже есть невеста, – сказал старший брат Негун-тайджи. – Отец просватал, когда был еще жив. Что он скажет, когда с неба увидит нас с чужой бабой?!

– Ты что, хочешь нас с онгутами посорить? – поддакнул ему Мунгэтэ. – Этого еще нам не хватало. Амбагай-хан узнает, так он тебе покажет, как в степи баловать.

– Отец и Амбагай-хан простят меня, – не сдавался Есугей. – Делом заслужу. Не поедете вы, поеду с Даритаем.

Братья переглянулись. Они знали нрав Есугея.

– Ладно, съезжу с ними, – проворчал Негун-Тайджи и посмотрел на Мунгэтэ. – Отпусти их одних, они еще убьют человека и с меркитами войну завяжут.

Втроем они догнали одинокую повозку меркитского воина и напали с трех сторон. Меркит ускакал верхом, а молодая жена досталась Есугею. Так Оэлун, однажды выданная в меркитское племя, стала женой монгольского нойона.

Есугей сам ездил к ее сородичам на поклон. Те поартачились для виду, но смирились, когда Есугей назвал число своего калыма – за воровство. Зато долго не могли успокоиться свои сородичи, братья отца да их жены, вредные старухи. Поначалу они не упустили случая, чтобы выставить его жену на посмешище. Но Оэлун оказалась женщиной на редкость хорошо обученной. Никто из других невесток рода не мог так достойно встретить гостей, оказать почести старшим, приличное слово сказать.

– Пышущих злобой заставит сладко улыбнуться, – так про нее сказали потом те же самые старухи.

Сородичи примирились с ней, но принудили Есугея выполнить и старый долг.

– Ты должен жениться и на онгутке, – сказали ему дядья. – Это дело нашего брата, и мы его так не оставим.

Так в одно лето Есугей женился раз за разом на двух женщинах. На родовом обо он молился духу отца, просил благословения. По-старинному, не скотским, а звериным мясом и кровью приносил он жертвы своему отцу.

На другой год жены принесли ему по сыну. Сын от Оэлун появился из утробы, сжимая в правой руке кровавой сгусток размером с баранью бабку. Все были поражены таким неслыханным случаем. Со всего племени съехались шаманы – и белые, и черные. Днем белые шаманы молились западным богам, ночью черные призывали восточных.

На девятые сутки они заявили, что хотят огласить небесную тайну. В юрте Есугея, отогнав подальше лишних людей, собрались ближайшие родичи, дядья, киятские нойоны и старейшины.

– Великим ханом и воителем станет этот ваш новорожденный мальчик, – сказали шаманы. – Девяносто девять тысяч багатуров поставит под свое знамя, девяносто девять стран он завоеует, девятьсот девяносто девять народов примут его законы.

Сородичи поразмыслили над словами шаманов и решили, что для красноречия они преувеличили размеры владений будущего хана. Но все же обрадовались рождению нового воина и властителя, могущего прославить их род в степи. И тогда Есугей дал этому сыну имя своего злейшего врага, татарского багатура Тэмуджина, сильнее которого он не знал воинов и которого он пленил в тот год.

* * *

Оэлун рожала сыновей через каждые два года – живучих и крепких, как медвежата. Дети для нее и были главной заботой, единственной отрадой и думой долгими днями и ночами в чужом племени. Четверых сыновей и одну дочь – младшую – она выпестовала для мужа за все те годы.

Сочигэл через три года после первого ребенка принесла еще одного и больше не рожала. Не хотела мириться с именем второй жены, не прощала обиды.

Есугей все годы после смерти отца, Бартана-багатура, кочевал вместе с близкими сородичами, кият-борджигинами. Из четверых сыновей Бартана Есугей был третьим. Старшие его братья Мунгэтэ-Киян и Негун-Тайджи рано ушли к предкам. Мунгэтэ был смертельно ранен

в стычке с татарами. Негун погиб в случайной перестрелке с конокрадами. Остались они с младшим Даритаем. Дети и жены старших братьев по обычаю перешли к Даритаю.

Двоюродных братьев в живых было четверо. Старший Хутугта Юрги считался самым спокойным и разумным из всех. Он был сыном старшего брата отца, и Есугей оказывал ему должное почтение. Бесстрастный и неразговорчивый, не имеющий ни близких друзей, ни ярых врагов, он, однако, имел большое влияние среди сородичей. Дележи наследства, анза за убийство, споры за пастбища – на все у него был готовый ответ, и люди гурьбой ходили к нему за советом. Хутугта, Есугей да дядя Тодоен, младший брат их родителей, оставались за старших в роду кият-борджигинов. Все другие были ниже и по годам, и по кости – дети младших братьев отца.

Бури Бухэ – этот брат был, пожалуй, самым сильным человеком не только в роду кият-борджигинов, но и во всем племени монголов. С огромными буграми плеч, наделенный богами медвежьей силой, ум же имел почти детский и единственным делом, которое он хорошо знал и умел, была борьба. У далеких онгутов и найманов про него шли слухи, будто тело его состоит сплошь из кости, без мяса, а сам он черный колдун. Мало находилось желающих встретиться с ним на празднествах, уже многим он поломал хребты. В своем племени польза от него была только на войнах да на свадьбах. На войнах он запугивал врагов, на свадьбах – сватов. В другое время от Бури Бухэ знали один лишь вред, только и слышно было о нем по куреням: тому он руку сломал, другому юрту разворотил, у третьего быку шею свернул – на спор или просто так, из баловства. Не злой был человек Бури Бухэ, простоватый, но опасно было попадаться ему под горячую руку и люди побаивались его, особенно чужие.

Три сына покойного Хутулы-хана – Джучи, Гирмау и Алтан – держались особняком. Себе на уме, они были горды ханским званием своего отца, но открыто показывать это не смели – не те уже были времена, не это давало вес в племени. Да и Есугея побаивались: крут норовом и тяжел на руку старший брат, и перед женами, и перед нукерами может так осрамить, что позора не оберешься. От других они не отставали, вперед не выпячивались, но глухо шептались в своих юртах, что, мол, время придет и посмотрим, что будет, как все еще обернется, быть может, еще и взойдем на высокий ханский трон и тогда покажем всем свое достоинство.

Был в курене еще Ехэ Цэрэн. Жадный до безумства, кроме своего скота да торговли с купцами он мало на что обращал внимание. Табунов имел едва ли не больше всех в роду, но каждую осень, перед самым снегом, со своими нукерами он уходил в дальние набеги, на найманов или онгутов. Пеглял по степи с чужими табунами с месяц, заматывая следы, и пригонял коней с незнакомыми метками, пополняя и так уж бессчетные свои косяки. Не раз предупреждали его братья:

– Нарушишь мир с соседями, один будешь отвечать, мы за тебя не встанем.

Тому никакие увещания на пользу не шли, он посмеивался и продолжал воровать. Сыновей у него не было, а дочери от трех жен рождались каждый год, но он был даже рад этому.

– За каждую возьму калым! – хвастался он в разговорах. – А вы еще сыновьям своим будете выделять.

– Тебе украсть легче, – усмехались слушавшие. –хлопот меньше, и на свадьбу с приданным не тратиться.

– Глупые вы люди, – снисходительно качал он головой и пояснял: – Законные кони ворованное скроют. Увидит кто-нибудь найманские метки, пристанет, как да почему. А я спокойно, без тряски, скажу им: в калым взял, вот и весь ответ, ха-ха-ха! – гулким хохотом заливался он, трясая жирными щеками над засаленным воротом из китайской ткани. – Ха-ха-ха, у них же украду, у них же еще прикуплю, и ни западные, ни восточные черти не разберут, где куплено, где продано, где крадено, ха-ха-ха!..

Каждый из братьев владел долей отцовского наследства, умноженного на свою добычу: это были стада и табуны, отряды нукеров, рабы и подданные. Это были и целые рода со своим

скотом, были и пленные с давних и недавних войн, много было бродячих воинов, отбившихся от своих племен и пришедших служить за кров и защиту. Этот пестрый народ, встав под знамя нойона, кормился у него и держался в стае, чтобы выжить в смуты и войны, бурлившие в степи от начала времен, а в нужную пору бросался вместе с вождем в кипящую битву, подтверждая свое право быть в его кругу.

Другие рода монголов были разбросаны вверх и вниз по Онону, некоторые кочевали по Керулену. В пору опасности они приставали то к киятам, то к тайчиутам, смотря по тому, у кого было ханское знамя. В мирные годы откочевывали подальше и жили своею жизнью.

Смерть последнего хана Хутулы девять лет назад усилила разброд в племени. Нойоны не стали выбирать нового вождя, решив выждать время траура. Срок уже давно истек, но до сих пор никто не мог сказать имя следующего хана. Кто-то лелеял надежду самому сесть на кошму, другие прибивались к сильнейшим. На редких пирах, когда собирались вместе нойоны племени, все улыбались, кланялись друг другу, а за спиной прощупывали связи, тайно договаривались. Всем было ясно: тишина это зыбкая, в любой день может грянуть гром.

II

Подростки из главного куреня кият-борджигинов, сорванцы лет от семи до девяноста, возвращались с дальних озер. Гусей и уток они настреляли вдоволь, и недовольных на этот раз не было. Даже дети харачу, косматые и оборванные, разбойного вида недоростки, радостно оскальвали по-звериному белые, снежно поблескивающие на солнце зубы.

Ехали шагом, приберегая силы у лошадей. По нетронутому, ломкому от зноя ковылю оставался неширокий примятый след. Послеполуденное солнце с суховато поблекшего неба во всю силу палило и так уж до предельного жара раскаленную землю. Вокруг по иссохшей траве одурелым треском исходили кузнечики. На перестук копыт из нор выскакивали тарбаганы и суслики. С равнодушно застывшими мордами встав на задние лапки, как каменные истуканы на старых курганах, смотрели они на проезжающих всадников. Назойливым роем кружили оводы и слепни. Кони без усталости махали длинными, с прошлого лета не стриженными хвостами. Высоко в небе, распластав разодранные крылья, маячил одинокий старый коршун.

Впереди ехали старшие, девяти-десятилетние крепыши. Со строгим, независимым видом восседали они в своих добротных седлах, крепко натягивали поводья узд, поблескивавших на солнце оловянными, медными, а у кого и серебряными бляшками. Младшие, без седел, на рваных войлочных потниках, беспорядочным табуном плелись сзади.

Тэмуджин на своем длинногривом жеребце вороной масти держался с краю. Повернувшись всем туловищем вправо, он посматривал в сторону поросшего камышом озера в половине перелета стрелы. В просвете за редкими пучками желтого стебля мелькнуло несколько матерых крякв и селезней. Птицы были жирные, лоснились мягким пухом, и Тэмуджин, недолго думая, натянул поводья. Другие тоже приостановили лошадей, вопросительно оглянувшись на него. Тэмуджин рукоятью плетки показал на озеро. Все поняли без слов.

Унгур, сын дяди Мунгэтэ, прошлой осенью погибшего в стычке с татарами, оглянулся на младших, молча указал направо и налево. Те быстро разделились на два крыла, вереницей двинулись в охват.

Широким кругом взяли камыши, вынули луки и стрелы. Унгур слабо махнул рукой, и кольцо стало медленно сужаться. Утки, поздно заметив опасность, встрепенулись, лихорадочно захлопали крыльями, взлетая. Несколько легких стрел прошили птиц высоко над землей, и они, словно ударившись о что-то невидимое в воздухе, бессильно уронив крылья, одна за другой шлепнулись в траву. Поредевшая наполовину стая улетала прочь от озера.

– Кто не попал?! – пронзительный, бесноватый крик вдруг просверлил застоявшуюся тишину.

Сача Беки, троюродный брат Тэмуджина, ошалело выпучив большие, навывкате, глаза, оглядывал круг.

- Чьи стрелы мимо ушли?
- Вон они, под бугром торчат.
- Где?
- Да вон, за черной кочкой синее оперение.
- Подберите их, эй!
- Чьи метки на них?
- Судить!
- Чьи стрелы, спрашиваю?
- Признавайтесь сами, потом будет поздно!

Трое из младших, виновато опустив головы, слезли с лошадей.

– Сюда выходите! – орал Сача Беки, в хищно искривленных губах тая озорную улыбку, опущенным пальцем указывал перед собой. – Вы что, от страха раньше времени умираете? А ну, шевелитесь! Сейчас я вас быстро оживлю!

Виновные, понуро переминаясь на кривых ногах в рваных гутулах, встали перед рядом старших. За их спинами, съезжаясь в кучу, толпились остальные.

– Десять кнутов по голым спинам, – предложил Тайчу, младший брат Сача Беки. – Чтобы другим неповадно было.

- Десять много, – возразил Унгур. – Пять как раз будет.
- Мало пять!

Спор, поначалу вялый от жары и усталости, вдруг распалился собачьим лаем, посыпалась ругань.

– Пятнадцать кнутов, не меньше! – оглядывая всех со злобным оскалом на круглом лице, кричал Сача Беки. – Чтобы им надолго запомнилось!

- Ты что, взбесился?
- Хватит и десяти.
- Ребра-то у них ягнячьи...
- Тогда в рубахах бить.
- Порвутся рубахи, потом на нас будут показывать.
- Разговоров на весь курень будет.
- Я говорю, пятнадцать! – не собиравшись уступать Сача Беки. – По голой спине!
- Даже десяти будет много, – сказал Тэмуджин, до этого молча посматривавший на провинившихся. – На кровь слетятся оводы, раны загниют.

- Верно, так мы всех оводов со степи приманим, от них и так прохода нет.
- Без кнутов обойдемся.
- А как?
- Сбросить их в воду вон с той кручи.

Спорщики переглянулись.

– Если потонут, значит, грехов у них много, сами будут виноваты.

На этот раз зароптали младшие.

- Что это за наказание? – недовольно зашумели они.
- Да они плавают лучше собак!
- А тогда почему нас позавчера били?...
- Одним один закон, другим другой...
- Искупаться и так можно было...

Ропот среди младших усиливался.

– А ну, закройте свои грязные рты! – рявкнул Сача Беки, больше всех не терпевший неповиновения младших. – Вы что, еще перечить нам вздумали?

Вынув из ножен свою огромную мадагу и, помахивая ею, тронул коня на толпу младших.
– Сейчас кому-нибудь вскрою печень... что-то я проголодался.

Младшие шарахнулись от него прочь, опасливо оглядываясь на сверкающий на солнце, гладко отточенный клинок. Сача Беки, подумав, убрал нож и взялся за длинную, из восьми тонких ремешков витую плеть. Почти не размахиваясь, неуловимо резким ударом он достал ближнего, заставив его скорчиться от боли.

– Мы поняли!

– Поняли все! – торопливо закланялись остальные.

– Говорят, восточные черти уймутся только когда им покажешь кнут, – ворчал Сача Беки, засовывая плеть за оттопыренное голенище гутула. – Оказывается, правду говорят люди.

Провинившиеся с засиявшими лицами, не скрывая счастливых улыбок, зашагали к берегу. У высокой кручи их повалили на землю, взяли за руки и ноги. Раскачав, с криками сбросили в темную глубину омута.

Барахтаясь в водорослях, отплеываясь, те по-собачьи выползли на берег.

Тронулись дальше.

По пологому склону невысокой сопки, усеянной по верхушке крошевом древних камней, они перевалили к руслу Онона, когда вдруг сзади донесся отдаленный тяжелый рокот. Глухой звук, стремительно приблизившись, лопнул оглушительным громом где-то рядом, словно у них над ушами враз забили семьдесят больших барабанов. Ребята недоуменно повернули головы назад, и лица их вытянулись в испуге. Сзади их, захватив всю северную половину неба, взметнулась огромная гора грозовой тучи. Угрожающе нависнув тяжелым брюхом прямо над ними, белоснежными боками она вздыбилась в немыслимую высь.

С пугающей быстротой, подобно дыму под степным ветром, туча заполняла небо над холмами, накрывая их черной тенью. С порывом ветра резко дохнуло прохладой. В другое время ребята, может быть, и обрадовались бы концу этой обезумевшей жары, но сейчас всем стало жутко: казалось, кто-то огромный и страшный смотрит на них изнутри этой темной тучи.

Новый грохот сотряс воздух, заставив присесть перепуганных лошадей.

– Вперед! – первым опомнился и пронзительно закричал Тайчу, подбадривая себя и ребят. – Кто на самом деле быстрее, наши кони в галопе или небесная туча в погоне?!

– Стойте! – сзади, сквозь загрохотавший топот копыт, раздался чей-то голос. – Стойте все на месте!

Передние натянули поводья, оглянулись, недовольными взглядами выискивая кричавшего.

Это был Кокэчу, сын сотника нукеров Есугея, их ровесник. Два года назад он стал учеником у шаманов и с тех пор редко водился с друзьями. И сегодня, увязавшись с ними на охоту, он все держался в сторонке, помалкивал среди младших.

Понукая поводьями своего белого жеребца, он торопливо обогнал их, перегородив всем дорогу.

– Что случилось? – Тэмуджин, откинувшись назад, левой рукой с трудом удерживал разгоряченного жеребца.

– Не шевелитесь! Молнией ударит... – Обычно бесстрастное лицо Кокэчу на этот раз, казалось, было взволнованно.

Недолго помолчав, будто раздумывая, он быстро сказал:

– Пусть младшие отъедут в сторону.

– А ну, все туда, быстро! – Унгур вытянул руку, указывая влево. Дождавшись, он снова повернулся к Кокэчу. – Ну, что?

Наезжая мордами лошадей на шамана, ребята пригнулись вперед, выжидаяще глядя на его тонкие, поджатые губы.

– Не нужно было бросать их в воду, – негромко сказал тот, качнув головой в сторону отъехавших. – Так приносят жертву хозяевам вод, а это не была жертва, вы по дурной своей прихоти баловались, наказывая их. А ведь знаете, что большой грех играть с водой. Боги воды рассердились на вас и, видно, хотят самих наказать.

– А чего же ты раньше молчал? – недоверчиво посмотрел на него Сача Беки.

– Ты не маленький, чтобы тебя на каждом шагу дергать за загривок, – говоря наставительным тоном, Кокэчу ни на кого не смотрел, но все поняли, что он говорит для всех. – Перед тем как сделать шаг, подумай, к чему придешь. Для этого тебе дана голова, а не только чтобы носить лисий малахай.

– Нет, ты скажи нам, почему нас сразу не предупредил? – не унимался Сача Беки. – Может быть, ты не знал? А какой же ты тогда шаман? Или ты потихоньку дожидался, когда мы богов рассердим, чтобы потом поучать нас?

– Ладно, некогда нам спорить, – перебил его Тэмуджин и обратился к Кокэчу: – Что будем делать?

– Боги великодушны. Слезайте с коней и молитесь вместе со мной.

Испуганно оглядываясь по сторонам, накрепко наматывая на руки поводья лошадей, ребята повиновались. Глядя на старших, нехотя сползали на землю и младшие.

Кокэчу распростер руки в стороны, обратил свое худое лицо к небу. Крупные капли тяжело забили по лбу его и щекам, но глаза шамана, неподвижно уставившись в мутную пелену разъяренного неба, оставались широко открытыми.

– Семеро великих синих хозяев небесных вод... услышьте нас! Мы дети рода кият-борджигинов: Сача Беки, сын Хутугту-Юрги, Унгур, сын Мунгэгэ-Кияна, Тэмуджин, сын Есугея...

Кокэчу долго перечислял тех, кто был здесь. Тэмуджин слушал и удивлялся его памяти: всех он назвал с родовыми коленами от старших до младших ветвей, от белых до черных костей, и ни разу не сбился.

«Видно, часто он с богами разговаривает, научился, – впервые с почтением, словно на старшего, посмотрел он на бывшего друга. – Даже складнее, чем какой-нибудь старик говорит, те хрипят, кашляют, а он... будто горный ручей журчит»

Новый удар грома рассеял мысли Тэмуджина.

– Явите великую милость, простите наше ничтожество, от глупости свершили грех, теперь жалеем и каемся...

Дождь, усилившись, ливнем хлестал по каменистой земле, заглушая голос Кокэчу. В какое-то время сумерки сгустились так, что не стало видно кустов дэрэса, скучившихся в десяти шагах от них. Ребята со страхом оглядывались по сторонам, боясь потерять друг друга.

Долго еще стояли они, словно оторванные от всего мира, крепко сжимая поводья вздрагивающих лошадей как последнее свое спасение и воздевая руки к небу. Голос Кокэчу с трудом боролся с шумом дождя, все звонче, надрывнее гремел сквозь плеск воды, грязными ручьями стекавшей под их ногами в низину...

Вдруг разом все оборвалось. Гроза быстро отошла в сторону и теперь бушевала над соседним холмом. Там, казалось, само небо обрушивалось на землю. Сквозь плотную стену водяных струй яростно били молнии, гром заглушал непрерывный тяжелый шум, доносящийся словно от камышистого озера ветреной ночью.

Из-за края тучи робко выглянуло солнце. Блеснуло раз, другой, будто лучами ощупывая себе дорогу, и, осмелев, вылезло на волю. Синее небо, омытое и посвежевшее, снова распахнулось над степью.

Едва опомнившись, ребята торопливо повскакали на коней. Далеко над холмами гроза уходила на восток.

– Земля хоть немного пропиталась, – пригнувшись в седле и зачем-то укорачивая стремена, сказал Сача Беки. – А я все думал, как бы молния не ударила. Думал, сейчас пронизет меня сквозь темя прямо в сердце... – и сконфуженно замолчал, почувствовав неприязненные взгляды братьев.

Не сговариваясь, перешли на рысь. Сача Беки раза два хлестнул по гладкому крупу своего каурого, вырвался вперед, и все устремились за ним во весь опор. Напуганные грозой кони вытягивались изо всех сил, судорожно всхрапывая и дико кося глазами назад, словно за ними гналась стая волков.

Рассыпавшись по склону холма, как в набеге, бешеным галопом спустились к своему куреню.

Две подслеповатые старухи, гревшиеся на солнце у крайней юрты, увидев рассыпной строй скачущих, закричали от страха, призывая людей. На крики их выскакивали мужчины, вглядывались в степь, прикрываясь от яркого солнца ладонями. Узнав сорванцов своего куреня, сплевывали с досады и скрывались за пологами своих юрт.

С десятка лохматых черных собак, оскалив желтые клыки, молча сорвались навстречу. Но вскоре, поняв свою оплошку, встали, виновато завилыли хвостами и отошли в сторону, уступая дорогу.

– Бараны, а не собаки! – Сача Беки, проносясь мимо, свесился с седла, достал крайнюю плетью. – Своих не узнают.

Перед куренем ребята придержали лошадей, перешли на шаг. Разгоряченные кони шумно дышали, дрожа ноздрями, рвались вперед. В курене было тихо и безлюдно. Дневная жара загнала людей в юрты. Гроза до этих мест, было видно, не дошла. Копыта лошадей сухо постукивали по отвердевшей земле, разрушая застоявшуюся тишину между айлами.

В сонном безмолвье томился курень. Лишь кузница – огромная землянка в полусотне шагов от юрт, сплошь покрытая дерном так, что со стороны она могла показаться обычным бугорком на ровном месте, если бы не закоптелая дыра дымохода – лишь эта кузница гремела неустанно-размеренным, отчетливым звоном железа.

Изредка между юртами показывались люди. Женщины, завидев нойонских детей, останавливались, не смея перейти дорогу, некоторые робко кланялись им. Молодые рабыни и девушки из харачу, издали завидев знатных подростков, хорошо зная их озорство, спешили скрыться с глаз.

У серой шестистенной юрты седая старуха, сидя на высоких кожаных подушках, в узком и длинном бочонке сбивала масло. В короткой тени двое голых, черных от загара малышей ползали под разомлевшей от жары овечкой, толкаясь, грязными губами ловили соски, глотали молоко, давясь и кашляя, смеялись.

На стук копыт старуха подняла голову, щурясь и моргая, смотрела на проезжающих.

– Чьи вы дети? – старуха прикрылась от солнца ладонью. – Какого куреня?

– Нашего, бабушка, – Унгур улыбнулся, обнажив на солнце белые зубы. Подъехал, свесившись с седла, положил перед ней молодого гуся.

– Какой хороший мальчик! Какое подношение мне сделал! – старуха, кряхтя, поднялась на кривые ноги, зашепелявила: – Обрадовал меня, беззубую, ведь мягкое мясо мне теперь дороже всего... Ты чей сын будешь?

– Мунгэтэ-Кияна, внук Бартана.

– В деда, видно, пошел, щедрый был нойон, – качала головой старуха. – Да, белую кость и во внуках видно. Пусть всякая добыча выходит на твою тропу.

– Да сбудутся ваши слова.

* * *

Тэмуджина у юрт встречали Хасар с Хачиуном. По пояс голые, оба чернотелые, как выдры, и в обличии они были чем-то неуловимо похожи друг на друга.

У Хасара уже бугорками вздувались мышцы на руках и плечах. Он был немного высоковат для своих семи лет. «Видный будет человек», – говорили старики, глядя на него.

– Что добыл сегодня, брат? – норовистого, грубоватого Хасара мало что могло занимать кроме охоты и лошадей. – Много настреляли?

– Тебе насытиться хватит, – усмехнулся Тэмуджин. – Можешь готовить свою широкую глотку.

Хачиун, выскочив из-за спины Хасара, потянулся к переметной суме. Пыхтя от натуги, он с трудом опустил мешок на землю, вытряхнул четырех матерых гусей, три кряквы и радостно закричал:

– Гусей будем жарить!..

– Ты и будешь их ощипывать, – перебил его Хасар, ведя лошадь к коновязи. Он уже понял, чем ему грозит добыча брата. – А то привык есть готовое.

– Ощиплю не хуже тебя! – рядом с Тэмуджином Хачиун мог держаться смело, и теперь он возмущенно жаловался брату: – Единственный раз сделал мне березовый лук, вместо старого, ивового, и с тех пор все время говорит, будто я на готовом живу.

– Ладно, замолчи, а то получишь у меня... – зло обернулся к нему Хасар.

– Оба замолчите! – оборвал его Тэмуджин, уходя к большой юрте. – Коня моего расседлайте, выведите за курень и стреножьте.

Из малой юрты вышел Бэктэр, сводный брат. Одного с ним года, но от младшей матери, он и считался младше его, но в душе не хотел мириться с этим, при случае всегда старался показать свою независимость. Он был силен и ростом был даже немного выше Тэмуджина.

– Гусей настрелял, брат? – внешне равнодушный голос его обычно таил какую-нибудь насмешку или скрытый умысел. – Удачно ли?

– Боги были благосклонны.

– А меня угостишь?

«Опять насмехается, – отметил про себя Тэмуджин, чувствуя, как в нем снова поднимается знакомое раздражение. – Яд у него всегда наготове».

– У нас едят, не спрашивая.

– Есть, не спрашивая – это воровство. Разве не так?

– Воровство – есть чужое, здесь чужих нет.

– А ведь есть люди, которые едят чужое, а думают, что свое.

Тэмуджин, не глядя на него, пошел в большую юрту. До самого полога он чувствовал на себе тяжелый, неподвижный взгляд Бэктэра.

Мать Оэлун, сидя у очага, полной грудью кормила годовалую Тэмулун. Трехлетний Тэмугэ сидел рядом, с шумом хлебал из чашки кислое молоко, равнодушно поглядывая на вошедшего Тэмуджина. Мать, повернувшись назад, уложила дочь на кошму.

– Под грозу попали? – спрашивала она, застегивая пуговицы халата из рыбьей кожи.

– Да, – коротко ответил Тэмуджин.

На душе у него было смутно после разговора с Бэктэром. «Чего ему все не хватает? – в который раз он спрашивал себя. – Все время будто нож за спиной держит. Я что, виноват перед ним, что от старшей жены родился?...»

Он сел на свое место по правую руку от хоймора.

– Мы отсюда видели, что там творилось, – говорила мать, медным ковшиком наливая ему хурунгу. – Смотреть было страшно, от неба до земли темно, как ночью. Как вы ездите по таким местам – одни боги знают.

Тэмуджин принял чашу обеими руками, отлил несколько капель на край очага – угостил духов огня.

– С нами был Кокэчу, – он решил всего не рассказывать. – Он упросил богов отвести грозу.

– Упросил? – мать перестала мешать хурунгу, внимательно посмотрела на сына. – И гроза ушла от вас?

– Ушла сразу, как только он обратился к семи синим богам, – и, помолчав, добавил: – А поначалу от молний в глазах рябило.

– О небо, Ясал Сагаан Тэнгэри, неистошимо ваше великодушие! – Оэлун повернулась в сторону севера. – А Кокэчу, уже сейчас видно, будет могучим шаманом. И ты, смотри, никогда не ссорься с ним.

– Я не боюсь его, – нахмурился Тэмуджин. – Еще неизвестно, чей дух сильнее, его шаманский или мой дарханский.

– Не говори так!

– Он ничего не сможет со мной сделать! Духи моих предков не дадут ему, а надо будет, так и его душу съедят.

– Тихо, тихо! – Оэлун испуганно оглянулась на дверь. – Не кричи, люди услышат. Я ведь знаю, как силен ваш род.

– Тогда зачем ты меня пугаешь? – сказал Тэмуджин, остывая. Ему было неловко оттого, что так легко вышел из себя. «Все из-за Бэктэра, – досадливо думал он. – Как столкнешься с ним, так смута...»

Мать назойливо тянула свое:

– Я ведь просто говорю, что с ним лучше жить в мире. У тебя впереди трудная жизнь. У нойона всегда труден путь. И таких, как Кокэчу, нужно иметь среди друзей, а не врагов. Ты на меня не сердись, ведь я не при людях это говорю. Твоя праматерь Алан-гоа так же поучала своих детей, и они слушались...

– Ладно, – устало проговорил Тэмуджин. – Я это уже много раз слышал.

Помолчали. Тэмуджин размеренно и нарочито шумно отхлебывал хурунгу.

– Что сегодня добыл?

– Гусей и уток.

– Это хорошо, а то им баранина приелась, совсем не хотят ее есть, – Оэлун кивнула на Тэмугэ, молча поблескивавшего узкими щелочками глаз.

III

Перед закатом в айл Есугея пришли Унгур и Сача Беки. Они по-взрослому степенно подошли к двери и, пригибаясь под пологом, вошли в большую юрту.

Оэлун в узком деревянном бочонке сбивала масло. Тэмуджина не было. У очага сидел Хачиун, обгладывал гусиную косточку. Парни, прикладывая руки к груди, низко поклонились сначала онгонам, а затем и Оэлун.

– Хорошо ли живете, мать Тэмуджина?

– С помощью небожителей. Вы к нему? Подождите немного, он с Хасаром поехал за кобылицами. Хачиун, что же ты сидишь, смотришь? Уступи место братьям и налей им кумыса.

Парни сели справа от очага, на мужской стороне.

– Сача Беки, что у вас нового? – Оэлун с силой толкала мутовку, сметана с громким чавканьем всплескивала в бочонке. – Давно уже я к вам не заходила.

– Сегодня утром корова отелилась, – принимая чашу от Хачиуна, отвечал тот. – Бычка принесла, да тот слабоват на ноги оказался, еле стоит. Наша мать говорит, что хорошей скотины из него не выйдет.

– Если в полнолуние родился, может, и выправится.

– Бабушка тоже так говорит. Только доить, говорит, не надо, все молоко теленку отдавать.

– До зимы еще окрепнет, сейчас рано говорить.

За стеной послышался голос Тэмуджина. Он за что-то сердито выговаривал Хасару, тот глухо и невнятно отвечал. Сача Беки нетерпеливо заерзал на месте, кося глазами на дверь.

Тэмуджин все не заходил. Сача Беки в три глотка допил свою чашу и поставил на столик вверх дном. Нарочито медленно поднялся.

– Ну, мы пойдем...

– Живите в радости, мать Тэмуджина, – оба с поклонами попятнулись к двери.

Оэлун, сдерживая улыбку в глазах, склонила в ответ голову. Все еще глядя на опустившийся за ними полог, грустно покачала головой: еще совсем недавно сопли по грязным щекам размазывали, на четвереньках по всему куреню ползали, заставляя матерей искать их, а теперь уже почти женихи.

Тэмуджин с Хасаром сидели у наружного очага. Они удивленно оглянулись на Унгур и Сача Беки, когда они вышли из их юрты.

– Хучара побили! – выпалил Сача Беки, подходя к ним.

– Кто?! – те как ужаленные вскочили на ноги.

– Отойдем отсюда, а то люди услышат, – сказал Унгур и первым двинулся в сторону.

Сели кружком у кожевенной юрты.

– Сегодня Хучар ездил за реку искать своих лошадей, – переминаясь на корточках, негромко рассказывал Унгур. – И нарвался на сонидов. С десятков их, говорит, было. Те увидели и погнались за ним. Хорошо еще, что на моем рысаче был, ускакал. Говорит, кричал им, чтобы вечером выходили на драку.

– А те что?

– Выйдем, мол, не боимся вас.

– Еще, говорит, кричали, мол, много спеси у вас, у киятов, – со злобой в голосе говорил Сача Беки. – Надо им показать, какова на самом деле наша спесь.

– И еще много чего кричали.

– Хучару сильно досталось? – спросил Тэмуджин.

– Да нет, два раза по спине ударили кнутовищами, но кости целы.

– Да разве в этом дело! – склонившись к Тэмуджину и сжав кулаки, убеждал Сача Беки. – Главное, что оскорбили. Нас всех оскорбили. Это так нельзя оставлять!

– А где сам Хучар?

– Спину медвежьим жиром намазал и сидит, гусятину ест. – Унгур, родной брат Хучара, был намного спокойнее троюродного Сача Беки. – Видно, проголодался со страху.

– А мы, как узнали, так сразу к тебе пошли, – горячился тот, не разжимая кулаков. – Собирайся!

– Что будем делать?

– Как что?! – крикнул Сача Беки, удивленно глядя на Тэмуджина. – На киятов, на старший род руки подняли. Отомстить надо!

– Тихо ты! – нахмурился Унгур. – Давай сделаем так: сейчас тихо пройдем по куреню и соберем парней. Каждый поднимет своих.

Тэмуджин оглянулся на Хасара.

– Найди и позови сюда Бэктэра. Да смотри там, при людях не проболтайся.

– Я поеду с вами?

– Нет.

– В прошлый раз меня тоже не взяли...

– А ну, замолчи! – повысил голос Тэмуджин, но увидев обиженно сжатые губы Хасара, смягчился: – Из твоих друзей никто не поедет. Спросят про нас, говорите, что поехали к генигесам на игры. Понял?

– Да.

– Иди.

Тэмуджин с Бэктэром обошли юрты отцовских нукеров по западному краю куреня. Позвали полтора десятка своих одногодков.

Вечером в густеющих сумерках собрались все за прибрежными буграми. Больше полусотни подростков на конях, с увесистыми прутьями в руках, многие в зимних овчинных шапках, в беспорядке толпились в низине, наезжая мордами лошадей друг на друга. Негромкий, нарочито беспечный, как обычно перед дракой, говор отрывисто раздавался по кучкам.

– Разберитесь по десяткам, что вы как коровы на пастбище бродите! – послышался голос Сача Беки. – Мои люди, где вы там заблудились, сюда подъезжайте!

– По пятеро в ряд! – зашумели в толпе старшие. – Становитесь!

– Эй, оглохли? По пятеро, вам говорят!

– А твоим прутом только телят погонять.

– Вон палка лежит, возьми ее.

– Она сухая, с первым ударом сломается.

– А ты, как я в прошлый раз, сдерни с коня узду. Удилами хорошо по лицам хлестать.

– Рвите у них узды с коней.

– Хлестнешь по лицу, в темноте искры, как от кресала...

– Ха-ха-ха...

Тэмуджин выстроил свои полтора десятка, подъехал к братьям.

– Пора ехать.

– Дозорных надо выслать, – предложил Хучар.

– Здесь-то для чего нам дозорные? – насмешливо оглянулся на него Бэктэр. – Давайте хоть на своей земле будем без оглядок ездить.

– Перейдем реку, там и вышлем.

– Тогда поехали.

– Сача Беки, веди своих вперед.

До реки доехали быстро. Сильно обмелевшая за последние дни засушь, вода была коням по колена. Кони, замедляя шаги, тянулись к воде.

– Пить много не давайте, – тоненьким голосом говорил малорослый парень в бараньей шапке, понукая своего белого мерина. – Отяжелеют.

– На белого мерина покрасоваться сел, видно, – проворчал в ответ другой, крупный, ростом почти со взрослого мужчину. – Думаешь, сонидские девушки увидят?

– А что?

– Тебя на нем за семь увалов видно. Держись в середине и не высывайся.

Выйдя на чужой берег, выслали троих дозорных и шагом двинулись вслед. Из-за восточных гор вышла огромная красная луна. В чуткой вечерней тишине топот копыт раздавался далеко в стороны. Тучи комаров, не отставая, преследовали всадников, наступая со всех сторон, облепляя конские шеи и морды, но на них почти не обращали внимания.

Тэмуджин, оставив своих на Бэктэра, ехал с братьями в сторонке. До рези в глазах всматривался в даль, пытаясь выхватить что-нибудь живое в неясных очертаниях под холмами. В темноте, если хочешь рассмотреть что-то вдаль, нужно взять чуть повыше того, что хочешь увидеть. Давно еще, когда ему было лет пять, этому его научил дядя Даритай, младший брат отца, и с тех пор Тэмуджин всегда прибегал к этой уловке.

– Где они, эти сониды, сколько мы уже проехали, а до сих пор никого не видно, – недовольно забурчал Сача Беки. – Эй, Хучар, долго еще нам ехать?

– Теперь уже близко, – тот, пригнувшись в седле, напряженно смотрел вперед. – Вон тот высокий курган видишь?

– С камнями по верхушке? Нижний на медвежью морду похож.

– Да. От него дальше чуть больше перестрела, в низине было. Там и должны нас ждать.

– А если их там не будет? – спросил Тайчу.

– Тогда повернем назад, – сказал Унгур. – Где мы их будем искать?

– А завтра мы к ним послов отправим, – вставил Сача Беки. – Пусть выставляют не меньше десяти овец, раз боятся выходить на драку.

– Потом пусть они только встретятся в степи, мы их по одному... – начал было Хучар и вдруг замолчал, вглядываясь вперед. Зоркие его глаза что-то уловили в темноте.

– Тихо! – он резко остановил коня и поднял правую руку. – Скачут!

– Кто скачет? – парни склонились над гривами лошадей, сузив глаза.

– Кто-то скачет! – беспокойно встрепнулись в рядах, перехватывая в руках палки.

Сзади стих беспорядочный топот, и в наступившей тишине сквозь комариный звон отчетливо послышался стук копыт. Вскоре прямо перед ними, на гребне бугра, резко обозначились три всадника. Полусотня подростков, быстро развернувшись вширь и крепко перехватив поводья, встала с палками наготове.

– Это наши дозорные, – облегченно вздохнул кто-то в строю.

– А ты думал, трое сонидов идут на нас? – насмешливо отозвался другой. – Перед тем, как сказать, ты хоть немного думай головой.

Вспыхнул и тут же потух напряженный смех.

Дозорные резвой рысью спустились с бугра и прямо перед братьями осадили коней.

– Там они, – коротко сказал первый, откинувшись назад, с трудом сдерживая разгоряченного жеребца. – В низине стоят.

– Где? – окружили его братья.

Дозорный повернул норовистого коня, всмотрелся в даль.

– Вон за тем курганом полтора перелета будет.

– Что я говорил! – Хучар торжественно заглядывал в лицо Сача Беки. – На том же месте стоят! Я здесь и в зимний буран не потеряюсь.

– Сколько их? – спрашивал дозорного Тэмуджин.

– Как будто поменьше нас. Полусотни, кажется, не будет.

– Ну, сейчас-то вы у меня в руках! – мстительно проговорил Хучар. – Поехали, чего еще ждать!

– Подожди, не распаяйся раньше времени, – раздраженно оглянулся на него Тэмуджин и снова повернулся к дозорному. – Как они стоят, строим?

– Вразброд, по всей низине, – парень провел рукой, – от одного холма до другого.

– Будто на праздник собрались, – подтвердил второй дозорный. – Только что костров нет.

– Ну что, прямо в лоб ударим или как? – Сача Беки в нетерпении перебирал поводья, укрепляя на голове мягкую овчинную шапку, нахлобучивая по самые глаза.

– Прямо только бараны нападают, – Тэмуджин помолчал, что-то обдумывая. – Давайте сделаем так: разделимся надвое и кинемся на них с разных сторон.

– Хорошо ты придумал, – поддержал его Унгур. – В таких потемках, да еще если шуму побольше навести, нас за две сотни примут.

Разъезжаясь, договаривались напоследок:

– Только разом с двух сторон, никому не отставать.

– Орите во все горло, не жалейте глоток.

– Драться до конца!

– Раненая лисица и та огрызается.

– Не отступать, слышите? – договаривались напоследок, разъезжаясь.

Тэмуджин с Бэктэром, Сача Беки и Тайчу повели своих в обход справа. То переходя на рысь, то снова придерживая коней, осторожно пробираясь между каменистыми холмами, маленький их отряд скоро пробирался вперед. Всадники часто оглядывались на большой курган, за которым стояли сониды. Луна все выше поднималась над степью, бледным светом заливая ближние и дальние склоны холмов. Парни торопили коней.

Наконец, они встали у подножья холма. Поодаль слева высился каменистый курган. Тоскливо примолкла тишина. Обученные боевые кони, чуя близость драки, не мотали головами, остерегаясь звякнуть удилами.

Тэмуджин оглянулся, окликнул троих нукеров из своего отряда.

– Залезьте на курган и посмотрите, где они.

Те тронули шагом...

Под яркой луной, выглянувшей из-за края тучи, было хорошо видно, как у вершины двое спешили, оставив коней с третьим, и, пригибаясь, пошли к гребню. Постояв недолго на верхушке, двинулись назад. Сели на коней, осторожно спустились и подъехали к Тэмуджину.

– Прямо перед нами стоят, – тихо сказал высокий парень в войлочной шапке, сын отцовского десятника.

– Что они делают?

– Болтают, смеются.

– Уже не ждут, видно, – сказал второй.

– Подъедем поближе. – Тэмуджин первым тронул коня вперед.

Бесшумно подобралась к вершине, рассыпались широким рядом. Впереди сначала смутно, потом отчетливее послышались голоса. Внизу, за ровным спуском, шевелились темные кучки всадников. Беспечно разъезжая между тремя холмами, сониды весело переговаривались, то и дело оглашая всю низину хохотом и вскриками.

– Даже дозорных не выставили, а сами в низине спрятались, – презрительно усмехнулся Сача Беки и оглянулся на Тэмуджина. – Скажи, брат, какой толк будет от таких баранов в войну?... Тьфу!

– Черная кость, им только овец пасти, – зло отозвался Тайчу. – А еще с нами тягаться вздумали!

Тэмуджин молча смотрел влево, на горбатую сопку, из-за которой должны были выйти Унгур и Хучар со своими. Тех все не было.

Луна скрылась за тучей. Помедлив какое-то время, выглянула, вновь осветив окрестности. Все разом повернули взоры к горбатой сопке. Склоны ее были пусты. Снова скрылась луна. Снова вышла. Второй их отряд будто пропал.

Звякнули у кого-то удила. Сача Беки зашипел от злости, погрозил кнутом кому-то из своих.

– Что-то они примолкли, – подозрительно сказал Тайчу. – Слышите?

Внизу и вправду будто стихли голоса.

– Заметили! – тут же заволновался Сача Беки и вдруг хлестнул своего коня. – Пошли, пока они не опомнились! – еще раз хлестнул заплывавшего под ним коня и, поворачивая злое лицо к отряду, заорал во все горло: – Хурай!

– Хурай!!! – разноголосым эхом откликнулись всадники.

С протяжным воем понеслись все вниз по ровному склону. Тэмуджин не хотел начинать без второго отряда, но не успел остановить всполошившегося Сача Беки, да и ничего другого не мог придумать. Поддавая стремянами в бока своего жеребца, он мчался среди первых.

Сониды все-таки не ждали их: услышав боевой клич и топот копыт, они какое-то время растерянно стояли на месте, глядя на наступающих киятов. Расстояние до них стремительно

сокращалось. Но вот они, опомнившись, заорали во все голоса, сбиваясь к середине, послышались ругань и призывные крики вожаков.

Тэмуджин еще раз оглянулся налево, на холмах было пусто. «Зря поторопились, – запоздало промелькнула мысль. – Сейчас они увидят, сколько нас всего, сомнут, затопчут...»

И уже подскакивая к ближней кучке сонидов, изготовившихся к драке, он с облегчением услышал откуда-то со стороны далекое:

– Хурай!

Тэмуджин бился расчетливо. Давно у него не было в драках того беспамятства, когда он, не видя ничего вокруг, лихорадочно лупил куда попало, по коню или по всаднику. Под левым рукавом у него к локтю была прикреплена березовая дощечка на толстом войлоке, и он смело прикрывался рукой от удара, как щитом, а сам, приберегая силы, выжидал, когда можно будет бить наверняка. Он уже свалил одного хитрым ударом по шее, когда подоспели Унгур с Хучаром.

Сониды, теснимые с двух сторон, заметно обмякли, начали отступать. Почувствовав свою силу, кияты поддали сильнее. Оскаленные лица под светом луны, тени всадников на бледной земле, отчаянно машущие руки, свист прутьев, дикие крики от боли, ярости и страха, топот и ржание лошадей – все смешалось в бурлящем водовороте, черным варевом перекипало в низине между тремя курганами. Уже метались кони без седоков, прорывались из тесной толчеи, мешали дерущимся.

Сониды, наконец, не выдержав, повернули коней. Сначала крайние, а потом и всей толпой они хлынули в сторону, проламываясь сквозь ряды и, беспощадно нахлестывая своих лошадей, в бешеной скачке понесли прочь. Кияты с победными криками устремились за ними. Они уже вольно, со всего маха, обрушивали удары по головам и спинам удиравших, сбивали их с седел.

Тэмуджин придержал рвавшегося в погоню жеребца и коротким галопом скакал следом за удаляющейся за соседний холм толпой. Он видел, как двое парней из его отряда нагнали одного сониду и, зажав с обеих сторон, по очереди били его прутами по спине. Удары были сильные, но сонид, пригнувшись к гриве, прикрывая одной рукой голову, все еще держался в седле, нахлестывал и так уже из последних сил бежавшего коня. Парень справа привстал на стременах и, уловив миг, изо всех сил обрушил свою палку на затылок сониду, и тот тяжелым мешком рухнул на землю. Преследовавшие с трудом остановили своих разгоряченных коней, повернули назад и, подъехав к неподвижному телу, не слезая с седел, долго смотрели на него. Один из них свесился с седла и ткнул палкой в спину лежащего, тот не пошевелился. Парни тронули коней и, уже не оглядываясь, порысили вперед, в сторону раздававшихся за увалом криков.

За холмом Унгур останавливал своих.

– Стойте! – пронзительно орал он, сложив ладони. – Остановитесь, хватит!

– Назад! – басом вторил ему Сача Беки. – Все сюда!

– Надо уходить, пока они старших не позвали, – говорил Хучар, опасливо поглядывая по сторонам. – Они и нажаловаться не постыдятся.

– Наголову разбили! – с улыбкой встретил Тэмуджина Сача Беки. – А ты хорошо дерешься, одного на моих глазах будто саблей срубил.

Тэмуджин увидел Бэктэра, окликнул. Тот нехотя обернулся.

– Собери наших.

Сводный брат молча повернул коня и шагом направился к собиравшимся в стороне всадникам.

Сбившись в большую кучу, вспугнутым косяком помчались все обратно, к реке. Низина между холмами, где разворачивалась драка, осталась в стороне. Рысистые кони сами, без пону-

кания, срывались в галоп. В рядах напряженно молчали: теперь оставалось лишь безнаказанно уйти на свою сторону. Задние опасливо оглядывались назад.

Скакали долго. Тэмуджину казалось, что они давно уже должны были увидеть берег реки, но впереди все маячили одни склоны сопок. Из-за тучи выглянула луна, и все разом, будто сговорившись, оглянулись назад. Степь была пустынна.

Задние начинали отставать. Впереди шестеро, оторвавшись от своих на четверть перестрела, нахлестывали коней, как на состязаниях.

«В ту ли сторону мы скачем?...» – испуганно мелькнуло в голове у Тэмуджина. Он посмотрел на небо, в узком просвете между тучами высмотрел крайних из Семи Старцев. Они как будто стояли правильно, но скоро скрылись, и Тэмуджин не был уверен, те ли это были звезды.

– Эй вы, передние! – в темноте одиноко прогремел злой выкрик Сача Беки. – Куда так спешите?

– В эту сторону такой прыти они что-то не показывали, – язвительно подал голос Хучар.

И снова смолкли голоса, лишь топот копыт гулко разрывал ночную тишину. Казалось, что их должно быть слышно в самом курене сонидов.

Луна беспечно играла со светом, будто смеялась над ними: то выходила, оглядывая холмы и низины, то вновь ненадолго пряталась за тучами.

Наконец, передние с очередного гребня увидели темную полосу прибрежного тальника. По рядам волной прокатился облегченный вздох:

– Онон!

– Наконец-то добрались.

Место было не то, где они перешли на эту сторону. Брод остался где-то ниже. Выбрав пологую отмель, спустились к берегу. Спокойная гладь воды тускло поблескивала под светом луны.

– Сюда-то они побоятся сунуться, – с веселым смешком Тайчу первым въехал в воду, и за ним остальные, будто разом сваливая с себя тревогу, пустились в веселье.

– Ха-ха-ха, показали мы им, кто старший в племени.

– Запомнят наше поученье.

– Ждите от блудливых собак, – хрипло кричал Сача Беки, перекрывая голоса других. – Запомните, что я скажу: года не пройдет, как снова придется их учить.

– Давно ли наши братья так же колотили их, а толку никакого, – соглашался с ним Хучар. – Ума у этих сонидов никак не прибавится...

– Раньше они, может, и не вразумлялись, а сейчас-то мы им надолго вложили, – раздавались довольные голоса в рядах. – Должны запомнить.

– Для человека нет хуже зла, говорят, чем плохая память.

– Ну и правильно говорят, ведь все время приходится за одно и то же по новой получать.

– Ха-ха-ха...

Тяжелый плеск воды, взбурлившей под копытами полусотни лошадей, приглушал звуки голосов.

– Одного, кажется, мы убили, – услышал Тэмуджин сзади, выбираясь на берег, и, выехав на ровное место, натянул поводья, чтобы посмотреть, кто это сказал.

– Зажали с двух сторон, – рассказывал плотный крепыш без шапки, со стянутыми назад длинными волосами, и Тэмуджин узнал саврасого коня под ним. – Били его, били, а он не падает, собака, будто зубами в гриву вцепился. Потом я со всего размаха стукнул ему по затылку вот этим, – он поднял над головой увесистый прут. – Тогда он только и слетел с седла. Потом мы подъехали, смотрим, а он уже не дышит.

– Ну и убили, чего в драке не бывает.

– Зато другие теперь надолго запомнят.

– Будут знать, как должны со старшими разговаривать.

Тэмуджин отозвал своих. Полтора его десятка оторвались от толпы, встали в один ряд перед ним.

– Все живы? – шутливо улыбнулся он, оглядывая парней.

– От чего бы нам умереть? – в тон ему бойко отозвался высокий парень напротив него, тот, что перед дракой поднимался на холм посмотреть сонидов. – Они и драться-то по-человечески не умеют.

– Вдесятером на одного храбрые.

– Только языками пугать умеют.

– Кто их не знает, может и испугаться.

– Теперь знаем: если враги придут, сонидов надо вперед выставлять.

– Ха-ха-ха...

– Сегодня вы все хорошо держались, – похвалил их Тэмуджин. – Теперь надо, чтобы свои ничего не узнали. В курень въедете с западной стороны, без шума.

– Не беспокойтесь, – за всех ответил высокий. – Тише восточных духов пройдем.

– Собаки не залают.

– Если спросят, где были, говорите, что к генигесам на игры ездили, – сказал напоследок Тэмуджин.

Толпа порысила в обход.

Тэмуджин и Бэктэр, оставшись одни, дождались, когда те скроются за бугром, и шагом тронулись к смутно темневшим в ночи юртам.

– Ну как, тебе не досталось? – спросил Тэмуджин, чтобы заговорить с Бэктэром.

– А что, если и досталось?

У Тэмуджина пропала охота разговаривать.

Молча проехали в свой айл, молча расседлали коней и разошлись по своим юртам.

IV

– Тэмуджин, вставай!

С трудом приходя в себя от сонного забытья, Тэмуджин почувствовал в голосе матери непривычный холодок.

– Что случилось? – он через силу оторвал голову от кожаной подушки, туго набитой овечьей шерстью, и сквозь смеженные ресницы посмотрел на сереющий круг дымохода. Мигали последние звезды. – Рано еще.

– Разбуди Хасара с Хачиуном, – мать была чем-то недовольна.

Тэмуджин окончательно пробудился от сна и лежал с закрытыми глазами, досадливо гадая, что нужно ей в такую рань. Вставать не хотелось.

Вдруг его словно шилом кольнула догадка: «Про вчерашнее узнала! Ведь сониды убили...» Тэмуджин сел, перебирая в уме, что и как она могла узнать.

Подумав, он стал успокаиваться. В курене тихо, значит, от сонидов никого не было. «Да неужели от удара прутом человек может умереть? – рассуждал он про себя, натягивая на голову рубаху. – Оглушился или, всего вернее, притворился, хитрить сониды умеют».

Следующие слова матери окончательно успокоили его.

– Днями и ночами носишься по чужим куреням, значит, сил у тебя в избытке, – она сидела за красным китайским столиком у очага, со стуком расставляла чашки. По юрте шел резкий запах перебродившего айрака. – А раз куда девать силы, будешь работать.

– А что нужно сделать? – под длинным зевком Тэмуджин скрыл облегченный вздох и тут же вспомнил про стрижку овец. Другие айлы еще позавчера начали стричь, а они задержались с выделкой шкур.

– Оказывается, он даже не знает о том, что дома делается! – мать возмущенно повысила голос. – Носится по степи как безродный разбойник, а чтобы вспомнить о доме, у него и в мыслях нет. Это в такие-то годы, а что дальше от такого начала будет? – В утренних сумерках смуглое лицо ее почти сливалось с темнотой юрты, и Тэмуджин не видел его выражения, но по голосу понял, что скоро мать остынет: не так уж сильно она рассержена, просто хочет выговорить за ночную поездку. – Овец наших кто будет стричь, может быть, восточные духи придут и помогут нам?

Оправившись от первого испуга, Тэмуджин снова прилег и начал впадать в мягкую дремоту. Сонно спросил:

– А почему так рано? – сказал и тут же пожалел: если мать задумала какое-нибудь дело, отговаривать ее – что говорить со степным ветром. Мягкая и добрая, но упрямая – как уросливая кобыла.

Оэлун обошла вопрос без ответа:

– Пока не острижем всех овец до последней, будешь дома помогать. Друзья твои уж как-нибудь без тебя обойдутся.

Тэмуджин считал стрижку овец самым нудным из всех дел, которые он знал. Целыми днями сидеть на одном месте, как на привязи, без привычной воли в седле, в степи – это быстро утомляло и надоедало ему.

Вздыхнув, он потянулся к гутулам, валявшимся в ногах.

– Начнем пораньше и в два дня управимся, – голос матери как будто немного смягчился. – Скоро подойдут женщины, нужно успеть все приготовить, – она вываливала творог из большого туеса в корытце, искоса взглядывая на него. – Вчера вы поздно приехали?

– Поздновато было.

– Что у них там, ехор, наверно, был?

– У кого? – не понял Тэмуджин.

– А к кому вы ездили, ведь к генигесам, сказали мне.

– А, и ехор был, и боролись, – опомнился Тэмуджин. Торопливо натянув гутулы, он обернулся к посапывающему за спиной Хасару, толкнул:

– Вставай.

Тот проснулся сразу, будто ждал, что разбудят.

– Брат! Приехал?

– Хачиуна разбуди.

– Зачем?

– Ты почему задаешь вопросы, когда тебе старший брат приказывает? – прикрикнула Оэлун. – Когда ты научишься вести себя по-человечески?

Недоуменно переводя взгляд с брата на мать, Хасар почесал в затылке, кулаками протер глаза и, понуро сопя, взялся за гутулы.

– Ешьте побыстрее и выходите, а я пойду людей подниму, – Оэлун, подпоясав старый, со свежими заплатами на локтях, халат волосяной веревкой, вышла.

Сидя натянув рубаху, Хасар толкнул ногой лежавшего ничком Хачиуна:

– Вставай, весь праздник проспичь!

– А? Какой праздник? – Хачиун, встрепенувшись со сна, ошалело смотрел на него.

– Овец будем стричь, забыл, что мать говорила?

– А-а...

Хасар сел к столу рядом с Тэмуджином, набросился на еду. Густо смешав свежий, мягкий творог со сметаной, он начал полными ложками запихивать его в рот, едва успевая проглатывать. Вдруг он, вспомнив, остановился и с возбужденным лицом повернулся к Тэмуджину:

– Как вчера съездили, брат? Набили им горбы? Я ждал-ждал вас, да не выдержал и заснул.

Глядя в лицо ему, он перестал ворочать скулами, выжидая с набитым ртом ответа.

– Ты что, безрогий баран, болтаешь? – поперхнувшись от неожиданности, побагровел Тэмуджин. – Ты еще при людях скажи... Я тебе что вчера говорил?

Хасар смущенно посмотрел в сторону Хачиуна, уткнулся в стол, стал жевать.

– А кому вы горбы набили, а? – быстро привстал на голые колени Хачиун, возбужденно глядя на братьев.

– Никому ничего не набили, просто ему, видно, сон приснился, – сказал Тэмуджин, не сводя с Хасара негодующего взгляда. – Глупые сны обычно баранам снятся, а еще нашему Хасару.

– А разве бараны тоже сны видят? – пораженный Хачиун, округлив глаза, размазывал по щеке налипшую сметану. – Точно так же, как люди?

– У людей сны разные бывают, а баранам одно и то же снится, будто им набивают горбы и они превращаются в верблюдов. Понял? И нашему Хасару такое же снится. Ты не верь ему, когда он начинает всякое болтать, у него мозги бараньи. Только ты никому не говори об этом, а то люди узнают и будут все над нашим родом смеяться.

– А-а... – Хачиун медленно жевал, приподняв грязное лицо кверху, на дымоход и, озадаченно моргая, пытался понять услышанное.

Тэмуджин, вставая, еще раз повторил Хасару:

– А ты смотри, больше не распускай свой пестрый язык. Запомнил, наконец, что тебе говорю?

– Запомнил, – глухо проговорил тот, пряча в сторону побуревшее лицо.

Дождавшись, когда за Тэмуджином закроется полог, Хачиун быстро повернулся к Хасару, сочувственно оглядывая его мрачное лицо, спросил:

– А у тебя часто такие сны бывают?

Отрешенное в тяжелой думе лицо Хасара дрогнуло, снова стало наливаться бурым цветом. Некоторое время он внимательно смотрел на Хачиуна: смеется или от глупости болтает? На всякий случай шмякнул его тяжелой ладонью по щеке.

– Если среди нас и есть баран, то это ты. Понял?

– Но ведь брат тебя называл бараном, – сдерживая слезы, решился на спор Хачиун, но тут же примолк, увидев медленно поднимающийся кулак Хасара.

– А что это ты вдруг замолчал? – насмешливо улыбнулся тот, придвигаясь к нему, но вдруг остановился, передумав, изменил голос. – А ты знаешь, почему брат сегодня такой злой?

– Почему? – любопытство снова овладело Хачиуном и он, тут же забыв об обиде, жадно расширил глаза.

– Вчера они ни к каким генигесам не ездили, а ездили на драку к сонидам. Понял?... – Хасар посмотрел, как на лице Хачиуна отразились его слова, и злорадно прищурил глаза. – Сониды, видно, так им всыпали, что нашему брату до сих пор свое зло некуда девать... Видишь, на мне срыгает. От чужих получил, а теперь на своих бросается. Если бы наши победили, он сейчас был бы совсем другой... – Хасар опять задумался о своем, но тут же спохватился: – А если ты кому-нибудь, даже облезлому тарбагану с западного холма, расскажешь о том, что я тебе говорил, то я тебе язык вырву, – для большей убедительности он схватил Хачиуна за волосы, притянул к себе, крепкими пальцами разжал ему рот. – Понял?

– Понял, понял! – косноязычно заверещал Хачиун, испуганно выпучив глаза.

– Смотри, не забудь, – Хасар отпустил его и, взяв со стола чашу с арсой, стал пить большими, гулками глотками.

Поставив чашу на стол, он снова в отрешенности уставился перед собой, перебирая свои догадки о том, что случилось за рекой вчерашней ночью.

* * *

Оэлун неторопливо, со спокойной суровостью на лице отдавала приказы рабыням. К рассвету полтора десятка их прибыло от ближайших стад, и теперь они с ножницами в руках расселись на траве у молочной и кожевенной юрт. Должны были прийти еще и женщины из куреня, накануне попросившиеся поработать за долю.

Тэмуджину с Бэктэром Оэлун велела зарезать двух старых овец – на дневную еду стригальщицам. Хасара и Бэлгутэя с толпой малолетних рабов она отправила в степь за овцами.

Наточив ножи на камне, Тэмуджин и Бэктэр из первого же гурта выловили по крупной овце. Они уже занесли над ними свои ножи, когда их сердито остановила Оэлун:

– Подождите, солнце еще не взошло!

Женщины, сноровисто привязав поваленных овец за ноги к вбитым в землю колышкам, ждали, поскрипывали ножницами, пробуя остроту лезвий.

С теплым ветерком брызнули первые солнечные лучи. Красноватым отливом покрылись бело-серые крыши юрт. Из большой юрты вышли Оэлун и Сочигэл в нарядных войлочных шапках, осторожно неся в руках переполненные чаши с молоком и архи. Сидевшие поблизости две молодые женщины услужливо вскочили и, на ходу сорвав с земли по пучку ковыльной травы, подали им. Оэлун первая начала кропить в сторону солнца, макая белой кисточкой ковыля в свою чашу. Побрызгав с короткой молитвой на восемь сторон и отпив из чаш, хозяйки разрешили:

– Начинайте!

Одновременно со всех сторон, торопливо перебивая друг друга, словно на состязании, застрекотали железные ножницы, с хрустом подрезая жесткую, в колючках сухой травы, плотную овечью шерсть. Оголенные по локоть смуглые женские руки проворно скользили по овечьим бокам, отваливая тяжелый, грязный покрой с поддрагивающих под ними животных. Не успеет закипеть на огне самый малый котел воды – овца уже голая, чистая и будто наполовину похудевшая, уныло радуясь облегчению и прохладе, плетется обратно в степь. А ребятишки уже тащат другую, по животной своей глупости упирающуюся от такого блага овцу.

Тэмуджин левой рукой взял передние ноги своего валуха, встав на колено, правой ногой крепко охватил низ туловища, прижимая к земле. Осторожно сделал надрез под грудиной, быстро отложил нож. Пальцами разорвал тугой пузырь и, раздвигая теплые, влажные кишки, просунул руку по локоть, мимо упруго стучащего сердца добрался до позвоночника, нашел большую жилу, с силой дернул. Горячая струя забила внутри, и он вынул руку, красную от крови. Овца судорожно колотила задними ногами.

Подбежал Хачиун поддержать овцу. Тэмуджин подозвал рабыню с бурдюком воды, наспех ополоснул руки. Оглянувшись на Бэктэра – тот уже начинал свежевать: отделив краешек шкуры ножом, руками он легко отдирает ее, обнажая беловатую от наросшего жира тушу. Тэмуджин знал, что ему не угнаться за ним: у того и овца умирает сразу – рука тяжелая – и разделяет он быстро. Зато сам он резал чисто, не марал мясо, и этим довольна бывала мать.

Тэмуджин отделил печень и покосился на Хачиуна. Тот весь подобрался, сидя на корточках, не мигая, смотрел на красно-бурый, истекающий кровью кусок в руке брата. Не решаясь просить, он молча проглотил слюну и нарочито равнодушно отвернулся в сторону. Тэмуджин угостил богов, бросая кусочки на восемь сторон, и, отрезав от края почти четверть, подал Хачиуну. Тот взвизгнул от радости, быстро взглянув на него, обеими руками схватил кровавый кусок и с нетерпеливым рычанием впился зубами в мягкую, теплую плоть. Тэмуджин насмешливо смотрел на жадно поддрагивающие смуглые его ноздри.

– Смотрите, ни капли крови не пролейте на землю, грех большой, – проходя мимо, говорила Оэлун и, взглянув на Хачиуна, улыбнулась: – Ешь помедленнее, а то подавишься...

Шкуры потом подвесьте на солнце, слышишь, Тэмуджин, – оглядываясь на него, продолжала она озабоченно, уходя к котлам.

Подошли Унгур с Хучаром.

– А вы все еще стрижете? – Хучар, лениво позевывая, оглядел толпу стригальщиц, склонившихся над овцами.

– Нет, Хучар, мы их моем, не видишь разве? – насмешливо оглянулся на него Бэктэр и смерил его глазами. – Что-то слишком замарались у нас овцы, до воды далеко, вот мы и решили кровью их помыть: одну зарежем, другую помоем.

Хучар оскорбленно вскрикнул:

– Что ты все время заносишься? По-человечески ответить не можешь?

– А что ты глупые вопросы задаешь, – тот зло посмотрел на него. – Не видишь, что мы делаем?

– Ладно, не ругайтесь вы зря... – Тэмуджин, выпрямившись, строго посмотрел на Бэктэра и обернулся к двоюродным братьям. – Про вчерашнее ничего не слышно? Тихо там у вас?

– Пока будто тихо, – хмуро проговорил Хучар.

– Вечером думаем к генигесам съездить, – склонившись к Тэмуджину, негромко сказал Унгур. – С теми же парнями, которые были с нами вчера.

– Чтобы потом не всплыло, что не ездили к ним, – добавил Хучар.

– Правильно.

– Сейчас надо съездить и договориться, чтобы они нас вечером ждали. – Унгур, неприязненно покосившись на Бэктэра, спросил у Тэмуджина: – Поедешь с нами?

– Езжайте одни, меня не отпустят.

Посидев немного, те ушли. Тэмуджина охватила вязкая тяжелая скука.

«Поедут мимо реки, будут купаться, – тоскливо раздумывал он, отделяя ножом гибкие, мясистые ребра от позвоночника. – А мне сидеть тут целый день на жаре, стричь этих грязных овец. Абай Гэсэр Богдо хан, искоренитель зла в десяти мирах, покровитель честных воинов и охотников! – вдруг, сам того не ожидая, мысленно сказал он, подняв взгляд к небу. – Сделай так, чтобы я не оставался в курене, сделай, чтобы я отправился в степь на коне!».

Он долго смотрел в небо, выжидаяще разглядывая редкие белесоватые облака, протянувшиеся к северо-западу.

– Тэмуджин с Бэктэром, – донесся до него голос матери от наружного очага, – побыстрее заканчивайте с мясом и седлайте коней...

У Тэмуджина от волнения перехватило дыхание.

– Настреляйте гусей на ближних озерах, – Оэлун, пригнувшись над очагом, поправляла огонь. – Чтобы женщинам хватило на вечернюю еду.

Тэмуджин сидел, застыв на месте, тупо уставившись на отрезанную баранью голову, лежавшую перед ним на шкуре. «Бог услышал мою просьбу? – робко и недоверчиво зашевелились в голове мысли. – Как же это вышло? Я не шаман, не умею говорить с богами... Неужели это духи предков помогли мне, передали мою просьбу?...»

Оправившись от первого испуга, он незаметно огляделся по сторонам: не заметил ли кто его замешательства. Бэктэр, убрав нож, торопливо собирал куски мяса в корыто.

– Тэмуджин, ты слышишь? – мать возилась у котла.

– Слышу, – с равнодушным видом поднялся на ноги Тэмуджин.

Наскоро управившись, они с Бэктэром взяли оружие, узды с седлами и пошли ловить своих коней.

И всю дорогу он, смешивая в душе неуверенную радость с какой-то новой, незнакомой тревогой, думал о случившемся. Вчерашние его нукеры под началом Бэктэра облавили птиц на небольших, протянувшихся на восток от куреня озерах. Тэмуджин, отстав от них на полперестрела, шагом продвигался следом, останавливаясь в отдалении, когда те оцепляли очередное

озерцо. Поднявшись на склон холма, он одиноко сутулился в седле, равнодушно глядя на то, как ребята со смехом собирают подбитых птиц и ловят раненых, ломая им шеи.

«В нашем роду было много больших дарханов, – думал он. – Может быть, они завещали мне свою силу? Или все вышло случайно?... Нет! – он тут же пресек негодную мысль. – Кокэчу говорит, что ничего случайного в жизни человека не бывает. А может, проверить?...»

Тэмуджин посмотрел на следующее озеро. На середине водной глади, покрытой мелкой рябью от дунувшего ветерка, сидело с десяток уток. Вокруг озера уже выстраивалась цепь всадников. Тэмуджин, преодолевая боязнь, решился:

«Пусть крайний селезень и ближняя кряква улетят живыми, а в остальных попадут стрелы. Пусть будет так!»

Утомительно долго тянулось время. Кольцо всадников, охватившее озеро, казалось, застыло на месте. Тэмуджин еле сдерживался, чтобы окриком не заставить их шевелиться быстрее.

Утки, наконец, заметили всадников, забеспокоились, подобравшись в воде. Донесся испуганный крик матки, и стая, переполошенно замахав крыльями, поднялась в воздух. Тэмуджин до боли в руках сжал переднюю луку седла и с искаженным лицом переводил взгляд от скакавших наперерез птицам парней на державшихся посередине косяка двух уток.

Парни на той стороне, резво подскакав под место, где пролетала стая, вскинули луки. Почти разом взметнулись с десяток стрел, выбив половину косяка, и тут же посланные вдогонку тонкие хоорцах достали еще трех.

Стрелы не задели только отмеченных Тэмуджином селезня и крякву. Он долгим взглядом провожал двух птиц, еле видимыми точками дрожавших над камышами дальнего озера.

Решительно повернув жеребца, Тэмуджин во весь опор поскакал в курень. Непрерывно понукая его поводьями и носками гутулов, он ошалело промчался между юртами под удивленные взгляды прохожих.

Спешившись в айле сотника Мэнлига, он долго привязывал коня, успокаивая гулко стучавшее в груди сердце. Подошел к малой юрте, снял с себя хоромго и колчан, повесил на березовый колышек у двери. Постоял, оглядываясь по сторонам и, выждав приличное время, вошел в дверь.

Кокэчу был в юрте один, и Тэмуджин облегченно перевел дух. Сидя на хойморе, тот брал из берестяного короба молочные пенки, неторопливо ел, ломая их на мелкие кусочки. Он мельком посмотрел на Тэмуджина и, молча указав на место рядом с собой, продолжал сосредоточенно жевать. Наконец, запил каким-то красноватым отваром из медной чаши и только тогда равнодушно сказал:

– Что, сонидов побили?

– Поучили их немного, – Тэмуджин внутренне опешил от неожиданного вопроса и, не зная, продолжать ли дальше, добавил: – Наказали за небольшое дело.

– Никого не убили?

– Нет... – Тэмуджин вдруг поймал себя на том, что ему неловко под косым, скользящим взглядом бывшего друга, и нахмурился. – Одного-двух, может быть, и переправили в тот мир, да от этого остальным будет польза: ума хоть немного прибавится.

Кокэчу покивал головой, улыбнулся чему-то своему и придвинул к нему короб с пенками.

– Попробуй.

Тэмуджин из вежливости взял кусок, стал есть.

– По какому делу пришел?

Сдерживая волнение, Тэмуджин рассказал ему обо всем: и о своем обращении к покровителю воинов Абаю Гэсэру, и об утках.

– Когда-то ты говорил, что на свете ничего просто так не бывает, – сказал он под конец. – А тут в одно утро два раза такое случилось...

Кокэчу снова покивал головой, и Тэмуджин не понял, к чему: к тому, что он помнит об этом или к тому, что подтверждает свои слова. Он смотрел на отрешенно застывшего с каменным взглядом шамана и снова почувствовал, что робеет перед ним. Ему вдруг показалось, что перед ним не тот человек, которого он знал раньше: это не был тот Кокэчу, который еще позапрошлым летом играл вместе с ровесниками куреня, ничем не выделяясь из толпы.

Тэмуджину вдруг вспомнилось, как однажды, купаясь в Ононе, они подрались, заспорив о том, кто дальше нырнул под водой, и их еле разняли. Теперь же он чувствовал, что не сможет поднять на него руку: став шаманом, тот как будто стал на несколько лет старше его.

– Приезжай вечером после захода солнца, – сказал Кокэчу. – Я узнаю, к чему все это.

Тэмуджин вышел из юрты обнадеженный.

«Дело это, видно, не пустое, – думал он, отъезжая. – А то бы он сразу все сказал, ведь незачем его на целый день растягивать».

* * *

С трудом дождавшись вечера и сказав матери, что потерял в камышах стрелу, Тэмуджин заседлал коня и перед заходом солнца снова подъехал к айлу сотника Мэнлига.

У коновязи стоял подседланный белый жеребец Кокэчу. Шея и грудь коня подсыхали от обильного пота. Тэмуджин мельком оглядел его и понял, что он только что покрыл немалое расстояние.

«Куда же это так далеко ездил Кокэчу? – изумленно обдумывал он, спешиваясь. – Спросить его или нет?»

Не успел он привязать коня, как Кокэчу сам вышел из юрты. Всегда скромный в одежде, на этот раз он был одет в новую замшевую рубаху и белую войлочную шапку.

– Поедем в горы, – коротко сказал он, отвязывая коня. – До утра вернемся.

Они шагом выехали за курень и круто повернули на запад, придерживаясь длинных теней прибрежного тальника. Как только крайние юрты куреня скрылись за холмом, Кокэчу хлестнул коня плетеным концом ременных поводьев, сразу переходя на крупную рысь. Тэмуджин отпустил поводья, пуская своего жеребца вдогонку.

Выбирая дорогу по низинам между холмами, они молча проскакали до устья Хайрхана. В сумерках по каменистому броду перешли реку, нарушив чуткую вечернюю тишину грохочущим плеском воды. Зачавкали копыта в прибрежной илистой грязи. Впереди темнели заросшие лесом пологие склоны Хэнтэя.

Подъехав к опушке, Кокэчу остановил коня. Сложил ладони трубой и дважды издал протяжный совиный выкрик. Из леса, спустя короткое время, послышался ответ и, тут же, уходя вверх по пади, несколько раз донеслись разноголосые крики ночной птицы. «Шаманы здесь держат свои дозоры, – понял Тэмуджин. – Недаром про этот лес разные слухи ходят».

В загустевшей темноте, шагом пробираясь по каменистой тропе между двумя склонами, они доехали до большой белокаменной скалы, преградившей им путь.

– Лошадей привяжите к деревьям, – вдруг откуда-то сверху раздался негромкий, но внятный голос. – Дальше пойдете пешком.

Вздрогнув от неожиданности, Тэмуджин посмотрел вверх и увидел черную тень, быстро спускающуюся по отвесным выступам скалы. С легкостью прыгнув на землю прямо перед мордами их лошадей, тень обернулась молодым мужчиной в оргое.

– Пошли! – повелительным голосом сказал он и первым двинулся в обход белой скалы.

Втроем они долго шли в гору, хватаясь за ветви кустов и выступы камней. Тэмуджин вскоре запыхался, а молодые шаманы привычно и споро передвигались на упругих ногах по крутому подъему, не сбавляя хода.

Стараясь не отставать от них, Тэмуджин уже напрягал последние силы, когда, наконец, они поднялись на ровную поляну. На краю ее, упираясь в склон, ведущий к вершине горы, стоял хамниганский чум, покрытый звериными шкурами. Молодой шаман, не останавливаясь, подошел к низкой двери и, едва войдя под полог, тут же вышел обратно и сказал Тэмуджину:

– Заходи.

Кокэчу остался снаружи. Войдя в жилище, Тэмуджин увидел за очагом двух стариков, еще не дряхлых, с наполовину поседевшими бородами. На закопченных очажных камнях горели два бронзовых, залитых жиром светильника, неровным огнем освещая их темные лица. На оленьих шкурах и сосновых жердях чума в порывистой пляске трепетали черные их тени.

Присмотревшись, в одном из стариков Тэмуджин узнал главного шамана племени, который этой весной приносил жертвы на большом тайлгане. Другой ему был незнаком.

Тэмуджин снял шапку, сделал несколько шагов вперед и низко поклонился.

– Садись сюда, дай отдых ногам, – просто и радушно сказал знакомый шаман и указал ему на расстеленный перед очагом белый войлок.

Смущенный столь высокой честью, достойной разве что какого-нибудь нойона, а не такого подростка, как он, Тэмуджин присел. Какое-то время оба старика молча рассматривали его. Тэмуджин сидел, почтительно опустив глаза.

– Назови своих предков выше Хабула, – сказал незнакомый старик.

Тэмуджин назвал до Бодончара, предка в одиннадцатом колене, и замолчал, вопросительно посмотрев на борджигинского шамана.

– Дальше, – подбадривающе глядя на него, сказал тот.

Тэмуджин назвал до Бортэ Чоно.

– А кем был Дува Соохор? – спросил незнакомый старик. – Знаешь?

– Дува Соохор, старший брат Добуна Мэргэна, – уверенно сказал Тэмуджин. – Был большим белым шаманом. У него был единственный глаз посреди лба, которым он мог видеть на три кочевки вперед. Имел двух вещих кречетов и сжег души девяти татарских черных шаманов...

Старик одобрительно посмотрел на Тэмуджина и движением руки остановил его.

– Дува Соохор передал тебе свою силу, – сказал он. – Он сейчас живет в стране западных небожителей. Ему ты и будешь приносить свои жертвы.

Тэмуджин, пораженный услышанным, молча смотрел на него.

– Ты должен был стать шаманом, – говорил старик, склонившись к нему и по-простому, как равному, глядя в лицо. – Но звезды указывают тебе другой путь. Ты будешь великим воителем и ханом для многих народов. Через семь лет у тебя откроется третий глаз, – старик нагнулся вперед и коричневым пальцем дотронулся до его лба. – Вот здесь. Но до этого ты не должен колдовать, чтобы сберечь свою силу.

– Грех колдовать попусту, – строго сказал борджигинский шаман. – Больше не делай так, как сегодня с птицами.

– Тебе будет нелегко, – говорил незнакомый старик. – Ты будешь страдать, голодать, тебя предадут ближние сородичи, будут травить и люди, и звери, ты будешь в плену с березовой колодой на шее и делать черную работу наравне с рабами... Но так нужно, ты должен пройти через это, чтобы узнать жизнь людей... Но запомни одно: ты не должен применять силу, данную богами, не должен тратить ее и показывать людям до времени, а то враги загрызут тебя, пока ты молод и слаб, не дадут подняться. Потому и терпи, жди своего времени. Духи предков и мы, шаманы, присмотрим за тобой, ты останешься жив, хотя и много будет таких, что захотят твоей смерти, – старик подумал, склонив голову, и еще раз предупредил: – Никому не показывай своего дара, пока не войдешь в полную силу, запомнил?

– Да.

– А теперь иди, – старик махнул рукой.

«Почему я должен страдать? – запоздало зашевелились в голове мысли. – А где будет отец? Кто меня предаст?...»

Но он не решился задавать вопросы шаманам. Встал, поклонился и, потоптавшись на месте, вышел из юрты.

«Буду ханом и воителем, – как о чем-то далеком, несбыточном проносились в голове мысли. – А до этого буду страдать. Как все это будет?»

Он почувствовал вдруг опустошающую усталость во всем теле и, ничего не сказав вопрошительно смотревшему на него Кокэчу, спотыкаясь на ослабевших ногах, прошел мимо.

Молча спустились к коням, выехали из леса и так же молча порысили на восток. На небе яркими огнями светили звезды и часто то одна, то другая, срываясь, искрами падали вниз.

«Моя звезда должна быть на небе! – почти силой заставил себя подумать Тэмуджин. – Иначе не должно быть...»

V

В зимнее время в степи замирает жизнь. Стихают войны и набеги, игры и празднества, не ходят караваны купцов. Люди живут порознь, мелкими куренями вдаль друг от друга и лишь в начале зимы на короткое время собираются вместе на облавную охоту. Глубокие снега заставляют айлы разбредаться в поисках корма для своих стад.

Но весной, как только сойдет снег и поправятся стада, войдут в тело кони, возобновляются извечные споры между племенами за пастбища, а вместе с этим люди вспоминают и старые счеты, и про кровную месть. В разных концах степи начинает раздаваться рокот боевых барабанов, и жизнь резко изменяется. Как волки с наступлением холодов сбиваются в большие стаи, так и люди с приходом тепла объединяются в большие курени – для совместной защиты и нападения.

Еще с татарских войн кият-борджигинские нойоны – дети и внуки Хабул-хана – со своими подданными стали собираться огромными куренями на летних пастбищах, до тысячи и больше юрт. Айлы их с айлами нукеров жили вместе, зато многотысячные стада и табуны были разбросаны по всем сторонам их владений, паслись, набирая жир на зиму, долгую и выюжную, скудную кормами, но щедрую на холода и бураны, на волчьи нападки.

Рядом со скотом кочевала и большая часть людей: пастухи, дойщицы коров и кобыл, воины, несущие караулы в степи. Пастухи, табунщики заодно стояли и в пограничных дозорах. Появится враг или разбойники – загорятся сигнальные костры на высоких курганах, помчатся гонцы по куреням. Съедутся отряды от родов, схлестнутся в каком-нибудь урочище с непрошеными гостями, окропят землю своей и чужой кровью, небо решит их спор. Живые похоронят мертвых, с тризной проводят их в землю предков, поклянутся отомстить за них, и дальше идет жизнь человеческая.

Давно сказано: мужчина в своем доме – гость. И борджигинские нойоны в летнее время мало жили в своем курене. Редкую ночь переспав на мягком войлоке с женой, с рассветом нойон отбывает к своим табунам, часто отдаленным от куреня не на один день пути. Тщательно он пересчитывает поголовье, выискивая пропажу. Жестоко расправляется с пастухами, потерявшими скот. Строго спрашивает с сотников и десятников, возглавляющих караулы и дозоры.

Предзакатным ярким вечером неожиданно в курень от табунов своих вернулся Есугей. Хасар, с друзьями носившийся на конях за крайними юртами, первым увидев его, бешеной рысью прискакал домой.

– Отец едет! – крикнул он под открытый полог и умчался встречать.

Едва Оэлун, сидевшая за шитьем, вскочила с места, убирая одеяла и подушки, как тут же через дверь донесся дробный стук копыт.

Быстро приблизившись, топот смолк у коновязи, и немного погодя в просвете двери показался сам Есугей. Перешагнув порог, он выпрямил свой высокий, широкоплечий стан, прищурил суровые, остриями стрел наведенные глаза, привыкая к сумраку юрты. Не оглядываясь, привычным движением руки повесил на стену нарядную, витую из восьми тонких ремешков плеть.

– Хорошо ли живете? – по мирному его голосу все поняли, что отец приехал в добром духе. – Что нового?

– По-старому, все хорошо.

– Овец постригли?

– Еще вчера закончили, – Оэлун, захваченная врасплох, хлопотала возле стола. – Мы не ждали тебя сегодня. Наверно, голоден?

– Когда это я из степи сытый приезжал? – Есугей снял с себя тяжелый боевой ремень с хоромго, саадаком и большим мадагой, отдал с готовностью подскочившему Тэмуджину и, неторопливо пройдя по юрте, уселся на хойморе.

– А мы тут гусей нажарили, Тэмуджин с Бэктэром позавчера целый мешок настроляли, – говорила Оэлун, не переставая хлопотать у очага. – Мы тебе оставили самого большого. Будешь?

– Давай гуся, проголодался я так, что могу сейчас сырую росомаху без соли съесть... А Тэмуджин пусть собирается, поедет со мной.

– Когда?

– Сегодня. – Есугей одним движением разрезал гуся на две половины, взял одну и с хрустом откусил полкрыла. – Я заехал за ним.

Чинивший на правой половине порванный недоуздок Тэмуджин с трудом подавил на лице вспыхнувшую радость. Выждав приличное время, он встал, открыл сундук у стены, достал новую рубаху из тонкой замши, перепоясался ремнем на бронзовой бляхе.

– Надолго поедете? – мать, помешивая деревянным ковшиком арсу, придирчиво осмотрела сына. – Гутулы новые надень, в пути могут встретиться люди.

– Через семь-восемь дней приедем, – говорил Есугей, отрезая от гуся жирную ножку.

– Еду с собой возьмете?

– Там все есть.

Вошел Хасар. Подозрительно посмотрел на Тэмуджина, одетого в новую рубаху, снимающего со стены свой лук в хоромго, и все понял. Лицо его потускнело, обиженно вытянулось. Сев у порога, он громко засопел, раздувая ноздри.

Есугей долго смотрел на его недовольное лицо, неторопливо обгладывая гусиную ногу. Бросил косточку на кусок бересты под столом, взял чашу с кумысом, отхлебнул глоток и покачал головой.

– До сих пор ты не научился хранить то, что имеешь на сердце... А ведь тебе уже семь лет, Хасар.

Тот опустил голову.

– А это еще хуже, – строго сказал отец. – Подними голову и смотри на меня прямо.

Хасар поднял озлобленный взгляд, дерзко посмотрел ему в глаза.

– Только так всегда нужно смотреть на людей. Понял?

– Понял.

– Не забудешь?

– Не забуду.

– Ну, тогда собирайся.

Тот молодым барсом метнулся в мужскую половину, сорвал со стены свой саадак. Есугей с недоуменной улыбкой оглянулся на Оэлун.

– Что может понимать такой человек? – развел он руками. – Как с таким разговаривать?

Оэлун улыбнулась в ответ. Радостная оттого, что муж приехал в веселом духе, она благодарными глазами смотрела на него. Сидя по левую руку, на женской стороне, она зорко следила за его взглядами, сторожа каждое движение, вовремя подавала новые куски, поближе придвигала чашки с луком и солью, подливала кумыс.

Тэмуджин с Хасаром взяли свои узды и пошли ловить коней. Хасар отпустил пастись своего ездового мерина и решил ехать на другом своем коне, недавно объезженном кауром жеребце. Черный жеребец Тэмуджина щипал траву за крайними юртами.

– Брат, дай мне своего жеребца, – Хасар, прикрываясь от закатного солнца загорелой до черноты ладонью, смотрел на разбредавший по тому берегу табун ездовых лошадей куреня. – Мой опять на ту сторону перешел.

– Возьми, – Тэмуджин передал ему поводья. – Только не выпускай из рук, а то потом не поймашь.

– Знаю, он кроме тебя никому не дается.

Хасар смело запрыгнул на злобно заворочавшего красными глазами жеребца, круто повернул его и, понукая босыми ногами, ходко порысил в сторону реки.

Подходя к своему айлу, у наружного очага Тэмуджин увидел Бэктэра. Тот сидел боком к нему на примятой траве, скрестив под собой ноги. Из малой юрты с сердитым лицом выглянула младшая мать Сочигэл – мать Бэктэра. Увидев Тэмуджина, она молча скрылась за пологом.

– Почему без коня вернулся? – не оборачиваясь, спросил Бэктэр.

– Хасар на нем за своим поехал... – Тэмуджин умолк на полуслове, внимательно посмотрел на него. – А ты откуда знаешь, куда мы пошли? Следишь за нами?

– Зачем мне вас выслеживать? – усмехнулся Бэктэр. – Вы мимо прошли с уздами в руках, такие радостные, а меня даже не заметили... Так не замечают рабов.

– Ты ведь знаешь, что мы не нарочно, – Тэмуджин присел рядом. – Спешили, вот и не заметили...

– Знаю, – Бэктэр помолчал, длинным прутиком рисуя круги по остывшему пеплу. – Далеко поедете?

– Отец еще не сказал.

– А меня он не возьмет?

Тэмуджин посмотрел на него. Тот не успел скрыть неловкую улыбку и тут же, видно, обозлившись на себя за нечаянную слабость, раздраженно сказал:

– Нет, конечно. Куда мне с вами. Я младшая кость, рожден, чтобы стремя вам поддерживать да поводья подавать... – Бэктэр махнул рукой и замолчал.

– Я в этом не виноват.

– Знаю.

Высоко в небе разодрались два ястреба. Со слабо доносившимся криком один пытался отнять у другого добычу, мышку или воробья. Бэктэр, запрокинув голову, долго наблюдал за ними. Тэмуджин сбоку посматривал на него, пытаясь угадать, вправду он следит за птичьей борьбой или пытается сдержать слезы обиды.

Злобность Бэктэра уже не раздражала его. Внезапная жалость к сводному брату, вдруг проснувшись в нем, защемила где-то в груди. Он встал и, не оглядываясь, пошел к большой юрте, бросив на ходу:

– Я попрошу отца.

– Не надо, – нерешительно сказал вслед ему Бэктэр. – Подумает, что напрашиваюсь.

Отец, разомлев от сытной еды, голый по пояс лежал на низкой деревянной кровати, усадив себе на живот годовалую Тэмулун. Рядом сидела мать.

– Как тебя зовут, девочка? – насмешливо улыбаясь, спрашивал отец.

– Туму-туму, – невнятно бормотала та, засовывая темный кулачок в слюнявый, пухлогубый рот, безулыбчиво глядя на него.

– Туму-туму? Разве есть на свете такое имя? – смеялся отец раскатистым басом. – Что-то я раньше такого не слышал. Может быть, у хамниганов есть такое имя, а?... Так ты хамниганка?

Тэмуджин негромко кашлянул. Есугей оглянулся на него.

– Что?

– Отец, возьмем с собой Бэктэра?

С лица Есугея легко сошла улыбка, и оно стало обычным, суровым, с жестким взглядом холодных, твердых глаз.

– Он что, просится?

– Нет.

Есугей долго молчал.

– Пусть собирается, – он приподнялся, отдал дочь матери. – Иди и скажи ему.

Он посмотрел на опустившийся за сыном полог.

– Никак не могу я его понять.

– Кого? – удивленно посмотрела на него Оэлун.

– Тэмуджина, – Есугей сел на кровати, сложив под собой босые ноги. – Слишком уж жалостлив к людям. Не слабоват ли духом, думаю.

– Не слаб он, а справедлив, – прижав ребенка к груди и заглядывая ему в глаза, убеждала Оэлун. – Не о себе лишь одном думает.

– А хорошо ли это? – нахмурился Есугей. – Всех людей не пережалеешь. Я хочу, чтобы он вырос нойоном, а не раздатчиком мяса для голодных харачу.

– Он будет нойоном, – Оэлун гладила руку мужа, ласково заглядывая ему в лицо. – Он смел и умен, ты сам недавно говорил это. И он справедлив.

– Смелость и ум – это еще не все, чтобы быть нойоном. А справедливость... Будь я справедлив, ты не была бы моей женой, не родила бы мне пятерых этих детей. Амбагай-хан под старость тоже стал говорить о справедливости. Хотел с татарами мир заключить, а чем они ему ответили? Отдали на смерть чжурчженям. Об этом нужно помнить! – распалился было уже Есугей, но тут же остановившись, махнул рукой. – Ладно, женщине этого не понять.

Оэлун вздохнула. Помолчали. У дымохода, настойчиво тыкаясь в войлок, беспокойно звенела оса.

– К Сочигэл зайдешь?

– Что у нее мне делать? – усмехнулся Есугей. – Ехать пора.

– Зайди, побудь с ней и приласкай, – Оэлун просительно коснулась его руки. – Она обидится на нас... Жалко ее.

– В тебя, видно, пошел Тэмуджин, – безнадежно покачал головой Есугей. – Ты тоже все за справедливость. Но я тебя ценю за другое.

– За что?

– Ты верна мне, как никто из моих сородичей.

Оэлун задумалась.

– Это и есть справедливость.

– Э-э, опять она за свое, упрямый же у тебя рассудок, – вздохнув с огорчением, Есугей прошел к правой стене, снял ремень со снаряжением. Одевая гутулы и рубаху, он задумчиво говорил: – Из кобылы не выйдет жожака, из женщины не выйдет мудреца. Давно сказано.

Согнувшись под пологом, он одними глазами улыбнулся ей на прощанье и вынырнул наружу.

* * *

Уже смеркалось, когда они выехали за крайние юрты и направились в сторону краснеющего на западе горизонта. Тэмуджин держался по правую руку отца. Бэктэр с Хасаром рысили позади. «В табун едем», – догадался Тэмуджин и придержал коня, чтобы не опередить отца.

Слева в полусотне шагов неслышно текла река, и от нее несло накопившимся за день теплом. Глухо стучали копыта коней, звенели комары.

Все еще светлел бледной полосой край неба на закате, когда Есугей вдруг круто повернул к реке.

– Ночевать будем здесь.

– Здесь ночевать? – разочарованно протянул Хасар. – Мы ведь только что выехали!

– Летом в душной юрте хорошо спать старухам да беременным женщинам. Мужчина спит под вольным ветром, – говорил Есугей, шагом проезжая между кустами тальника. – А ты кем хочешь быть, старухой или мужчиной?

– Мужчиной.

– Тогда поменьше разговаривай, – отец все еще был в добром духе. – Посмотри на братьев, они мужчины, потому и молчат.

Хасар раздосадованно взмахнул плетью, но, раздумав хлестать коня, опустил руку, подавил в груди огорченный вздох. Есугей в насмешливой улыбке скривил угол тонкого рта, незаметно обернулся к старшим, подмигнул, указывая на него. Те сдержанно улыбались.

У реки, найдя ровное место, остановились. Расседлали коней и стреножили их волосяными веревками. Наскоро собрали сухой аргал и развели огонь. Из переметной сумы Есугей достал небольшой бурдюк с кумысом. Угостив огонь и духов, отпил.

– По три глотка, – прищурившись от нахлынувшего кизячного дыма, он протянул бурдюк Тэмуджину. – Ночь разделите на двоих с Бэктэром. Смотрите за конями.

– Я тоже буду стеречь, – возмущенно сказал Хасар.

– Пусть стеречет, если хочет, – Есугей расстелил на траве потник, в изголовье положил седло. Ослабил на себе ремень, лег на спину и вольно вздохнул всей грудью.

Почти сразу он заснул, задышав глубоко и ровно.

– Кто будет стеречь первым? – Тэмуджин посмотрел на Бэктэра.

– Я буду! – подскочил Хасар.

– Тогда соберешь аргал, чтобы до утра хватило. За конями чаще поглядывай, чтобы далеко не ушли.

– Ладно.

– Кто потом?

Бэктэр равнодушно пожал плечами:

– Мне все равно.

– Давай ты, а я перед утром.

Бэктэр согласно кивнул головой, глядя на огонь.

VI

Ночное небо едва начало отдавать синевой на востоке, а Есугей с сыновьями уже были на ногах. Быстро поймали лошадей, заседлали. У потухающего костра наспех распили по чашке кумыса и сели на коней. Одинокий дымок над сероватым пеплом да примятая трава вокруг остались от их стоянки среди голой степи.

Под утро похолодало. Изорванный в клочья белесый туман в потемках ошупью поднимался от реки и медленно заползал в низины между сопками. Роса обильно мочила ноги коням.

Тэмуджин замерз и теперь тщетно пытался бороться с охватившей его дрожью. Сжав зубы, чтобы не стучали, он изо всех сил напрягал свое тело, задерживая дыхание. Искося посматривал на братьев. У Хасара слипались глаза. Бессильно покачиваясь в седле, тот пьяно ронял голову на грудь. Одного лишь Бэктэра, казалось, не брали ни сон, ни холод – равнодушно поглядывая вперед, он прямо держался в седле.

– Ну что, парень, не отпускает тебя сон? – Есугей поравнялся с младшим сыном, прижал к себе, обняв за плечо. – Сейчас мы ускачем от этого врага. Нет на свете таких чертей, что догнали бы борджигинских парней, – улыбнулся он, оглянувшись на старших. – Так говорили у нас, когда я был таким же молодым, как вы. Ну, не отставайте. Чу!

Крепко поддав поводьями, он вырвался вперед и пошел размашистой иноходью, быстро удаляясь от них. Мокрые копыта его коня замелькали в траве, упруго и легко отрываясь от земли.

Сыновья, встрепенувшись, поспешили следом. Хасар на миг замешкался и, порываясь догнать, привстал на стременах, с силой потряс головой, прогоня навязчивый сон. Наконец, он пришел в себя и теперь изумленно озирался вокруг, будто не мог вспомнить, как он тут вдруг оказался.

Пройдя четыре длинных увала и согревшись от скачки, они придержали коней, приберегая их силы, перешли на малую рысь. Вокруг стелилась травянистая, еще не тронутая табунами степь. Пологие сопки, схожие как близнецы, одна за другой оставались позади.

Река круто повернула вправо и все дальше удалялась по низинам. Издали только заросли прибрежного тальника да кое-где дотлевающие дымки тумана указывали на извилистый путь ее русла.

Наконец в спину ударили первые лучи солнца. Тэмуджин оглянулся и увидел большой алый полукруг, выглянувший из-за дальней горы. Куреня их уже не было видно. Оглядев далекие холмы, за которыми должны были стоять их юрты, Тэмуджин отвернулся, выпрямившись в седле.

Красными, искрящимися в капельках росы лучами заливало восточные склоны холмов. Из нор вылезали ранние суслики и тарбаганы. В небе медленно закружили коршуны, вышедшие на утреннюю охоту.

Тэмуджин вздрогнул, увидев, как вдруг из-за бугра, в шагах сорока перед ними, выскочил крупный, матерый волк. Низко опустив скуластую морду, волк постоял несколько мгновений на гребне, исподлобья глядя на них. Затем он рысью сбежал вниз по склону и встал, перегородив им дорогу.

Ощетинив седой загривок, присев на задние ноги, словно перед прыжком, волк злобно оскалится. Всадники, удерживая взволновавшихся лошадей, изумленно смотрели на зверя: у того не было передних зубов, сломаны были клыки, из страшно опухших десен шла кровь и, смешиваясь с голодными слюнями, вязкими нитями стекала на землю. Волк был все еще страшен видом, еще горели хищной злобой желтые глаза, мощный рык исходил из горла, но выбитые зубы делали его не опаснее годовалого телка.

– Кто ему выбил зубы? – изумленно оглянулся на отца Хасар.

– Видно, он напал на жеребца, – догадался Есугей, задумчиво разглядывая зверя, и затем быстро двинул рукой, – ну, пристрелите его.

Братья достали из колчанов по стреле и приладили к тетивам. Первым выстрелил Бэктэр, за ним почти одновременно пустили стрелы Тэмуджин и Хасар, и волк, тяжело встряхиваясь от каждой стрелы, впивающейся ему в грудь, сделал несколько шагов назад, повернулся к ним боком и рухнул на землю.

Подождав немного, они подъехали к мертвому зверю. Братья спешили и вытянули из его груди свои стрелы.

– Ух, какой он большой! – воскликнул Хасар, сверху оглядывая его, глазами измеряя туловище зверя. – С годовалого бычка будет, однако.

– Шкуру будем снимать? – спросил Тэмуджин, обращаясь к отцу.

Есугей с суровым лицом, думая о чем-то своем, сказал:

– Нет, шкуру трогать не будем. Мы похороним его на этом бугре.

Братья удивленно переглянулись, но переспрашивать не стали. Они молча взяли тяжелую тушу, потащили к бугру. Сняли с поясов свои мадаги и, опустившись на колени, стали рыть, снимая сверху травянистый дерн. Работали молча. Есугей стоял в стороне, заложив руки за спину, наблюдал за ними.

Вырыли яму глубиной с локоть, ладонями выгребая черную землю. Положили волка головой на север, нарвали травы, укрыли и засыпали землей. Сверху натаскали кучу камней.

Хасар, напряженно думавший о чем-то, уставившись на свежую могилу, спросил:

– А почему он беззубый вышел против нас? Ведь другие и с зубами не выходят против людей.

– Он вышел, чтобы принять достойную смерть, – сказал Есугей и, глядя на недоуменно застывшие лица сыновей, пояснил: – По нему видно, что он был сильный и отважный зверь, но от него отвернулась удача – так с каждым может случиться. Но когда волк теряет зубы, его покидают сородичи и он остается один. Голодный, он обессиливает, и на него набрасываются вороны и грифы, облепляют мухи и черви. А этот не захотел такого позора, решил умереть от оружия.

– Волки, оказывается, бросают своих, – разочарованно сказал Тэмуджин, – я не думал, что они такие.

– Другим надо выживать и растить потомство, – задумчиво промолвил Есугей. – Таков закон жизни.

Больше они об этом не заговаривали. Сев на коней, тронулись в путь.

Ближе к полудню Бэктэр первым увидел впереди далекое, в перестрелах десяти от них, большое скопление лошадей и людей возле них. С полтысячи разномастных коней да еще около сотни всадников и пеших рассыпались по низине между двумя склонами. Черневшие издали люди размером казались с муравьев. В середине всего этого скопления стояла небольшая приземистая юрта.

– Что это за люди? – Бэктэр указал на них.

– Это наши люди, – Есугей, пристально всматриваясь вперед, рукоятью плетки сдвинул войлочную шапку на затылок. – Здесь вы и побудете в эти дни.

– А кони тоже наши? – спросил Хасар.

– И кони наши, – сказал Есугей. – Сюда я согнал трехлеток и четырехлеток из ближних табунов для объездки. Парней из заречных куреней созвал. Хамниганский вождь с верховьев Ингоды просит у меня триста объезженных лошадей.

– А почему мы должны отдавать хамниганам своих лошадей? – недовольно нахмурился Хасар. – Они что, требуют у нас?

Многое позволял Есугей Хасару – нравился он отцу своим задиристым нравом – и на этот раз он не рассердился на него за лишние расспросы, за что кому-нибудь другому сейчас, может быть, не поздоровилось бы.

– Нет, они не требуют, – с усмешкой сказал отец. – Кто может от нас чего-то требовать? Взамен они дают нам рога изюбря и медвежью желчь.

У Хасара от изумления расширились глаза.

– Что-о? Рога... и желчь?... – склонившись над шеей коня, он возмущенно уставился на отца. – За такое богатство? Да он же хочет тебя обмануть!

– Ха-ха-ха! – закинув голову, захохотал Есугей, и за ним засмеялись братья, не удержав на лицах суровых мин.

– На что нам рога, на что желчь? – недоумевал Хасар. – Ведь люди их выбрасывают, когда режут коров и овец!

– Медвежьей желчь и рога изюбря ценят китайцы, – терпеливо объяснял ему Есугей. – Из них они делают лекарства и много хороших вещей дадут нам за них.

– А китайцы что, едят их?

– Едят, когда у них заболят животы.

– А почему у них животы болят?

– Потому что они питаются дурной пищей.

– А какой это – дурной?

– Травой разной.

– А-а, – поняв, что опростоволосился, Хасар решил грубостью исправить свою оплошку: – У китайцев и без желчи можно все отобрать. Когда я вырасту, всех китайцев, каких встречу, буду убивать! Ведь они убили Амбагай-хана.

– Амбагай убили не китайцы.

– А кто же тогда?

– Чжурчжени.

– А это кто, другие люди?

– Узнаешь, когда вырастешь. А пока лучше поменьше болтай и побольше слушай, что другие говорят.

– Отец, – Тэмуджин, наконец, улучил время, чтобы спросить. – Почему так далеко от куреня, да еще чужие парни объезжают наших коней?

Есугей долго не отвечал. Не дождавшись ответа, Тэмуджин чуть повернул голову, покопился на него. Тот, опустив голову и поглаживая усы, исподлобья смотрел вдаль.

– Разве нельзя было поближе, и наших парней позвать? – добавил Тэмуджин. – Ведь с радостью пришли бы.

Бэктэр, с равнодушным видом глядя в сторону, молча прислушивался к ним. Хасар, уже потеряв охоту к разговору и, взяв левее, отдалившись от них, пристально смотрел на приближающийся табун.

– У тебя, я вижу, острый глаз, – сказал Есугей наконец. – Много ты научился видеть из того, что другие не замечают. И я скажу тебе прямо: я это сделал нарочно.

– Для чего?

– Чтобы не видели сородичи.

– Почему? – быстро спросил Тэмуджин, и даже равнодушный Бэктэр, не выдержав, взглянул на отца.

– В нашем роду немало таких, которые завидуют мне, – Есугей хмуро улыбнулся. – И они будут раздувать по айлам сплетни, мол, Есугею коней уже девать некуда, хамниганам их продает. А сами... – ровный голос его вдруг ожесточился. – Вы, дети мои, запомните: среди людей всегда найдутся такие, которые сами руки не поднимут, чтобы свой скот умножить, уберечь, зато уж если увидят, что ты что-то добыл, сделал для себя, слюнями будут истекать от зависти. У нас, у кият, думаете, нет таких? Некоторых пойти с тобой в небольшой набег чуть ли не упрашивать приходится, да и там от них немного толку. Но когда начинается дележ добычи, тут-то они – голодные волки... Сейчас такое время, что старые обычаи забываются, рода и племена распадаются. На вас нападут враги и что, думаете, все соплеменники придут на помощь?... Многих вы не дождетесь... Нет настоящего единства в родах, нет радости за брата. Вот почему я не хочу, чтобы наши сородичи это видели – не будет зависти лишней раз.

– Но они и так узнают, – сказал Бэктэр. – Ведь слухи как дым.

– Верно, узнают. Но узнать по слухам это не то, что увидеть своими глазами, яду будет поменьше.

Стали доноситься далекие, резкие крики людей, ржание лошадей. Впервые пойманные из табуна трехлетки и четырехлетки, взбесившись от страха, с оскаленными мордами вскидывались на дыбы, не подпускали к себе с трудом удерживающих их на волосяных арканах парней.

От троих мужчин, что стояли перед юртой, один быстро подошел к коновязи, с ходу вспрыгнул на буланого жеребца и резво порысил к ним навстречу. Приблизившись, он придержал заплясавшего под ним коня, кланяясь с седла, взял в сторону, пропуская их вперед, и пристроился сбоку.

– Как у тебя тут, Сорхон? – спросил Есугей, продолжая смотреть вперед.

– С позавчерашнего полудня, как вы уехали, двадцать восемь голов объездили, – тот, пригнувшись в седле и выглядывая из-за Тэмуджина, почтительно смотрел на хозяина. – Сейчас они все под седлом. С рассветом я на них отправил парней в дневной переход до большого озера, пусть привыкают к узде.

– Есть там на что посмотреть?

– Один белый иноходец хорош, думаю, вам он подойдет. Два рысака неплохие, да один черный есть, с белой метой на лбу, ладный собой, еще посмотреть надо.

Тэмуджин искоса взглядывал на табунщика, на его уже немолодое, в ранних морщинах и рубцах, обветренное лицо. Верхняя губа его слева была рассечена застарелым шрамом до ноздри, на правой скуле, туго обтянутой смуглой кожей, краснел другой, недавно затянувшийся шрам. Крепко натягивая поводья, придерживая своего беспокойного, напористо рвущегося вперед коня, он внимательно разглядывал жеребца Тэмуджина.

– Кажется, этот конь был в табуне у моего отца, – уверенно сказал он.

– У тебя хорошая память, – улыбнулся Есугей. – Семь лет назад ваши табунщики объездили его для меня.

– Это было в год, когда мы вернулись из керейтского похода, – подтвердил Сорхон. – И объездил его я.

– Это правда? – спросил Есугей. – Ты не путаешь?

– Вот этот знак остался на мне с того случая, – Сорхон притронулся к своей рассеченной губе. – Я упал с него, он лягнул, да чуть промахнулся, а то бы я тогда, живым вернувшись с войны, дома погиб от конского копыта. Все монголы смеялись бы надо мной... – Сорхон, вдруг сбросив с себя всю почтительность, с которой он встречал хозяина, залился раскатистым, беззаботным смехом.

– Потому и запомнился этот конь? – спросил Есугей.

– Нет, коней я всегда запоминаю. Человека или другой скот с годами могу забыть, а коня никогда.

– Ваш род с седьмого колена жил при табунах, – сказал Есугей. – Коней своих лучше чем соплеменников знаете.

Польщенный похвалой нойона Сорхон промолчал, гордо поправляя на голове войлочную шапку.

– Поесть что-нибудь найдется? – спросил Есугей. – Покорми нас.

– Овцу зарезать?

– Овцу зарежь к вечеру. Сейчас дела ждут.

– Ну, тогда арса.

– Давай арсу. Что еще нужно мужчине в походе, верно? – Есугей оглянулся на примолкших сыновей.

Смущенные тем, что отец спрашивает их мнение при чужих, те сдержанно покивали.

В неухоженной юрте, заваленной по стенам кучами конской сбруи, большими мотками волосяных веревок, с острым запахом лошадиного пота, пыльного войлока и еще чего-то пресного, они наскоро утолили голод. Облизав деревянные чаши из березового нароста, сложили их на широком камне у стены и вслед за отцом вышли на свет.

Сорхон стоял у недавно вкопанной коновязи, обложенной свежей еще землей, широко расставив ноги и держа руки за спиной. Властным, слегка надтреснутым от частого крика, как у всех табунщиков, голосом он отдавал свои повеления. Юноши, не слезая с лошадей, почтительно выслушивали его, кланялись и шагом отъезжали в сторону. И лишь удалившись на приличное расстояние, с криками пускали коней бешеным галопом, уносясь по склонам холмов прочь.

Есугей окликнул Сорхона. Тэмуджин видел, как у того, когда он обернулся, строгое и неприступное лицо мгновенно изменилось, став таким же почтительным и скромным, как у тех юношей, которые выслушивали его приказы. «Здесь все боятся Сорхона, а он боится отца», – подумал он.

– Этих троих парней я на семь дней отдаю тебе, – сказал Есугей. – Давай им кнута столько же, сколько даешь другим. Сейчас же пристрой их к делу, а потом мы с тобой подумаем, куда отогнать обьеженных коней.

Тэмуджину досталось присматривать за свободными от объездки лошадыми. Восьмерых иноходцев, высоких и стройных, решили не отдавать хамниганам, поэтому их отделили и держали в сторонке.

– Не подпускай их к табуну, не давай смешиваться, – говорил ему напоследок Сорхон. – Вон того белого жеребца опасайся. С норовом конь, может и наброситься. Возьми в руку ургу, тогда он побоится нападать. Днем, как табун придет с водопою, гони их к реке. Все понял?

– Да.

– Возьми ургу, – повторил Сорхон, отъезжая, и рысью направился к юрте, где поджидал его Есугей.

В помощники Тэмуджину дали одного худотелого, из одних костей под темной кожей, паренька лет десяти-одиннадцати. Тонкогубый, какими бывают, как знал Тэмуджин, люди с коварством в мыслях, в грязной латаной рубаше, надетой почему-то наизнанку, тот сразу не понравился ему. Маленькая голова со шмыгающими бусинками глаз, с которой сзади свисали плохо собранные жиденькие пряди волос, делала его похожим на крысенка, попавшего под ливень. Сидя на невзрачной каурой лошади без седла, он беспрестанно озирался во все стороны, подобно сороке, севшей на одинокий кустик. Увидев стебелек судуна или мангира, он воровато оглядывался вокруг, будто собирался украсть, торопливо спрыгивал на землю и выкапывал корешок. Уже на коне он, еле очистив, съедал свою добычу. Тэмуджин неприязненно присматривался к нему.

– Ты что, голодный? – наконец, не выдержав, спросил он, оглядывая его с головы до ног. – Плохая скотина сколько ни ест, хорошего тела не наберет, так же, видно, и ты, жуешь без передышки, а худой, как годовалый теленок в весеннюю бескормицу.

– Ем, пока есть время, а потом, может, некогда будет, – рассудительно ответил тот. – Вот пошлют что-нибудь делать, так хоть живот будет не пустой. Вчера целый день волосяные веревки на арканы плел, аж ладони опухли, – парень протянул к нему обе руки с кровавыми ссадинами на ладонях. – Ни отойти не мог, ни перекусить чего-нибудь. Со всех сторон орут: быстрее давай, быстрее, а куда быстрее, две руки у меня, а не двенадцать.

– Вас что здесь, не кормят, что ли?

– Кормят, да что это, вечером наешься баранины, будто насытился, а с утра до конца работы семь раз проголодаешься.

– Ну, тогда сядь на одном месте и наедайся, сколько влезет, что ты, как дурная птица, то вверх, то вниз слетаешь.

– Сидеть нельзя, – сказал парень, снисходительно улыбнувшись, будто прощая его незнание. – У Сорхона глаза острые. Увидит, что на земле посиживаю, сразу найдет какую-нибудь работу. А у меня до сих пор ладони ноют, ночью даже заснуть не мог. А здесь хорошо, нам сегодня повезло, ничего ведь не делаем и спросу никакого.

Не дослушав, Тэмуджин отвернулся от него и стал смотреть вокруг. Тот уразумел, что говорит лишнее, смолк на полуслове и сник, подавленно вздохнув.

По склонам ближних холмов густыми косяками паслись молодые лошади. Согнанные из разных табунов, нехолощенные кони держались беспокойно. Высоко поднимая косматые морды, они враждебно посматривали друг на друга, били копытами и всхрапывали, угрожающе оскаливая длинные желтые зубы.

По гребням бугров редкими цепями маячили всадники: подростки стерегли коней, не давая разбрестись по степи. То с одного, то с другого края доносились их крики и ругательства – разнимали разодравшихся жеребцов. На помощь к ним, разматывая длинные пастушьи кнуты, спешили другие.

Больше всего шума было в низине перед юртой. На большом ровном кругу, до черноты истоптанном конскими копытами, объезжали сразу около десятка коней. Юноши, разбившись по семь-восемь человек, арканами вылавливали дикарей из табуна, приводили к юрте, под взоры Сорхона, и начинали седлать.

Ближе всех к Тэмуджину объезжали черного, как уголь, стройного четырехлетка с единственным, белым как сметана, пятном над левым задним копытом. С него на глазах у Тэмуджина уже второй раз падал парень лет четырнадцати. Едва он успевал вскочить в седло, конь тут же начинал метаться во все стороны, высоко подбрасывая задом.

– Поводья крепче держи!

– Не давай голову опускаться! – кричали ему парни.

Тот не слышал их или, может быть, тряска не давала ему собраться с силами и натянуть поводья. Он неуклюже взмахивал локтями, пытаясь удержаться. Но конь, изловчившись, высоко подпрыгивал, успевая взлягнуть в воздух крепкими, маленькими копытами, и парень снова слетал с него на землю под смех шестерых парней, которые, с силой упираясь гутулами в землю, удерживали коня на волосяном недоуздке. Упавший тут же, кувыркнувшись через голову, не давая коню опомниться, скидывал свое небольшое тело в седло, и все начиналось сначала.

Тэмуджин видел, что главное дело вершится там, перед юртой Сорхона, и делают его лучшие парни, ловкие и храбрые. Остальные толкуются по сторонам, в подручных.

Он оглянулся, посмотрел на своих иноходцев. Недалеко, ограждая их от табуна, с равнодушным видом посиживал на коне его помощник.

«Что это за дело, каких-то восемь голов караулить? – подумал он, и тут его обожгла догадка: – Сорхон дал их мне, чтобы чем-то меня занять, как маленькому дают овчинку, лишь бы не путался под ногами. Не допустил к объездке лошадей: опасно, попади я под копыта, он будет отвечать. Но и не отправил пасти большой табун вместе с простыми, детьми харачу – хитрый, понимает, что не к лицу нойонскому сыну. А здесь будто при деле: иноходцев, лучших коней стеречь...»

Тэмуджин хмуро оглядывал низину перед юртой и вдруг увидел Бэктэра. Он стоял на дальнем краю и вместе с другими объезжал коня. Небольшой рыжий жеребчик, весь взъерошенный от ярости, на котором, будто привязанный к седлу, цепко держался маленький юркий паренек с бесстрашным оскалом улыбки на лице, неустанно взбрыкивал, резко отпрыгивая из стороны в сторону, но его крепко держали за недоуздки семеро парней. И среди них был Бэктэр. Возбужденное его лицо то расплывалось в улыбке, поблескивая на солнце снежно-белыми зубами, то застывало от напряжения, когда конь, пытаясь вырваться, тащил их всех за собой. Вместе со всеми он весело рассмеялся, когда парень, долго удерживавшийся на беснующемся жеребце, наконец, слетел на землю.

Издали, в кругу чужих, незнакомых парней Бэктэр и сам уже казался чужим. Тэмуджин смотрел на него, как он по-свойски, с веселым смехом переговаривался то с одним, то с другим,

и удивился тому, как вдруг он изменился. Дома, среди своих, что с ним, что с другими братьями Бэктэр обычно был невесел, неразговорчив, что ни слово, то с насмешкой или издевкой.

«А тут будто к своим попал», – вдруг обозлившись на него, подумал Тэмуджин.

Хасара не было видно, значит, его отправили к табуну.

«Бэктэр крупнее меня, и Сорхон его за старшего принял, – Тэмуджин с ненавистью оглянулся на своих иноходцев. – Побаловаться мне их дали. Какая разница, в табунах они будут или отдельно?»

Вдруг ему пришла мысль проверить, такое ли уж важное дело дал ему Сорхон.

– Эй, погоним поближе к табуну! – решившись, крикнул он парнишке. – Заезжай с той стороны!

– Зачем? – удивился тот.

– Там в низине трава получше.

– А-а, ну, давай, – он нехотя тронул своего коня.

Иноходцы охотно пошли к табунах. Белый жеребец, о котором предупреждал его Сорхон, пошел первым, высоко подняв голову, все убыстряя шаг, и перешел на легкую рысь. Только тут Тэмуджина взяло сомнение, он хлестнул коня, поскакал в обход. Белый жеребец, заметив это, плавно ускорил бег, пошел красивой, размашистой иноходью. Но Тэмуджину теперь было не до красоты. «Упущу коня, позор мне...» – мелькнуло в голове. Пустив своего жеребца во весь опор, он далеко слева обогнал иноходца, пошел наперерез. Тот, угрожающе оскалив зубы, злобно косил на него красными глазами.

От табуна уже скакали трое с ургами. Тэмуджин увидел их и понял, как он жестоко ошибся. «Сорхону скажут, узнает отец...» – где-то в глубине задела мысль, и он направил коня прямо на иноходца, разматывая над головой кнут. Тот взял в сторону, норовя обойти его, но тут подоспели парни от табуна.

Передний с ургой наперевес, как с копьем, осадил коня прямо перед иноходцем, тот резко остановился. Подскакали другие парни, с руганью и тычками погнали коней назад. Один с невероятно длинным кнутом, длиной почти с ургу, умелым размахом достал спину иноходца, заставив его вздрогнуть от боли, удовлетворенно сказал:

– Будешь знать, как убежать, – и повернул к Тэмуджину улыбчивое лицо: – Этот самый вредный из всех. Я вчера этих иноходцев стерег. Вы лучше отгоните их подальше отсюда, самим спокойнее будет.

У Тэмуджина отлегло от сердца.

VII

Оэлун была довольна своей судьбой. По утрам, брызгая молоком на восход, она неизменно благодарила небожителей за то, что они сполна обеспечили ее женским счастьем: она благоденствует за спиной у могущественного мужа, а дети ее защищены от невзгод и людских посягательств. Что еще нужно женщине для жизни?

Сама она, выросшая в семье сайта небольшого племени, не была избалована легкой жизнью. Олхонуты, из которых она вышла, некогда многолюдное, влиятельное племя, во времена кыргызских нашествий понесли большие потери, сократились числом и владениями. Бури сокрушительных войн разметали их по разным краям великой степи. Оставшиеся на месте не вспоминали о былой славе, жили мирно и безмятежно, занимая небольшое пространство по Керулену, по озерам Цаган и Хунт.

Ее отец, вождь маленького рода, вырастил семерых сыновей и ее – младшую. Дочь, единственную из детей, кого не касалась отцовская плетка, дома натаскивали так, чтобы и за ной-оном не растерялась, и за простолюдином не пропала.

«И волки в тайге, и дзерены в степи сами добывают себе на жизнь, – часто повторял отец своим детям. – У каждого человека две руки и одна голова есть самые большие ценности. На них и полагайтесь».

Выносив и взрастив пятерых детей в племени борджигинов, Оэлун через них полюбила и мужа, а через него сроднилась и с его сородичами. И сейчас, через долгие десять лет кочевков в курене борджигинов, пройдя вместе с ними через опасности и невзгоды, общие радости и горе, она чувствовала себя одной из них – кровью от крови. Прежняя жизнь в своем племени и несколько дней с меркитским багатуром по имени Чиледу вспоминались ей давним, почти забытым сном. Заботы о детях, беспокойство о муже в дни его долгих отлучек и хлопоты по большому хозяйству заслонили ей все и стали единственным смыслом ее жизни.

С отъездом старших сыновей вместе с отцом в айле Есугея стало немного потише. Перестали ходить неугомонные друзья из соседских айлов, и теперь где-то там, за чужими юртами, раздавались их пронзительные крики, часто выводившие из себя раздражительную Сочигэл. И Оэлун теперь отдыхала от шума и нужды присматривать за озорником Хасаром, часто затевавшим драки и ссоры со сверстниками, наслаждалась нечаянно выдавшимся покоем.

На другое утро после их отъезда оставшиеся собрались в большой юрте. Пришли Сочигэл с Бэлгутэем.

Шестилетний Бэлгутэй был на год старше Хачиуна. Приземистый и толстоватый, ликом он явно напоминал брата Бэктэра и мать Сочигэл – в онгутскую родовую – те же прямыми чертами сведенные к переносью брови, из-под которых прямо высматривали пытливые глаза. Но нравом он был заметно мягче своего строптивого брата.

Оэлун любила его за детскую простоту, всегда находила для него вкусный кусок. И Бэлгутэй часто заходил в большую юрту, чем недовольна бывала Сочигэл. Но открыто воспротивиться этому она не могла: Оэлун – старшая жена, мать над всеми, даже над ней самой тоже как мать.

Пожилая служанка Хоахчин, еще в детстве пригнанная в плен отцом Есугея Барганом-багатуром, низко сгибаясь под пологом, внесла исходивший белым паром котелок с арсой. Осторожно поставила рядом с очажными камнями, с трудом разогнула спину, отдышалась, готовясь к поклону хозяйкам, но Оэлун остановила ее:

– Садись, Хоахчин, поешь с нами.

Рабыня со смущенной улыбкой присела с краю. Сочигэл, недовольно поморщившись, брезгливо отодвинулась от нее.

– Подержи ее, я разолью арсу, – Оэлун передала ей маленькую Тэмулун и взялась за коврик.

Хачиун, оставшийся в айле за старшего мужчину, не осмелился сесть на хоймор, где сидел отец, но занял место Тэмуджина, ниже по правую руку, и оттуда с важностью посматривал на всех.

– У тебя сейчас сколько стрел? – обратился он к Бэлгутэю.

– Девять.

– Всего? Ведь было двенадцать.

– Недавно, когда охотились на уток, в камышах сразу две стрелы хоорцаг и одна годоли потерялись.

– А в моем колчане семнадцать стрел и еще одну йори мне обещал сделать стрелочник, – Хачиун, свысока посматривая на сводного брата, старался не потерять важности голоса. – Я тебе подарю одну.

Бэлгутэй благодарно пригнул голову. Женщины молча пили арсу, не мешая мужскому разговору. Тэмугэ тоже не решался вступаться, он скромно черпал ложкой из корытца с творогом, обильно политым сметаной.

Первой, осушив свою чашу, встала Хоахчин.

– Да воздадут вам боги изобилия, – торопливо закланялась она. – Оэлун-хатун, вы всегда благосклонны ко мне... И вы, Сочигэл-хатун.

– Посиди еще, дела не убегут, – сказала Оэлун.

– Нет-нет, – испуганно попятилась та к двери. – Молоко может прокиснуть, надо поскорее кипятить...

И тут, у самого порога, споткнувшись на ровном месте, она упала на спину и с глухим стуком ударилась головой о решетку стены. Темное лицо ее скривилось от боли, частые морщины сложились в глубокие складки.

– Ха-ха-ха!..

Хачиун и Бэлгутэй, забыв о важном разговоре, валились от смеха друг на друга. Тэмугэ смеялся, широко раскрывая щербатый рот, в котором недосчитывалось два передних зуба. Даже взрослые, не удержавшись, на миг прикрыли рты ладонями. Хоахчин не шевелилась.

Оэлун, всмотревшись, быстро встала с места.

– А ну, замолчите! – на ходу прикрикнув на сыновей, она подошла к старушке. – Что с тобой, Хоахчин? Ты жива? Вставай!

– Сейчас-сейчас, хатун, сейчас пройдет... – простонала та, зашевелившись и, тяжело опираясь обеими руками об землю, села, виновато глядя на Оэлун. – Я уж, видно, совсем состарилась, скоро будет пора убить меня или бросить одну в степи.

– Не говори так зря, Хоахчин, ты наша. Умрешь на мягком войлоке, когда придет твое время.

Сочигэл, насмешливо сощуриив глаза, посматривала на них, мелкими глотками отпивая кумыс.

– Ну, я уж пойду, дел сегодня много, – Хоахчин с усилием встала на ноги.

– Молодых побольше гоняй, сама-то попусту не трать силы, а то заболеешь еще, – озабоченно говорила Оэлун, оглядывая ее. – А лучше ты сегодня полежала бы.

– Нет-нет, – бодрилась старая рабыня, оправившись от боли, и сделала озабоченное лицо. – Ведь молодые все не так сделают, за каждой надо присмотреть: здесь они кожу испортят, там архи передержат или нукерам нальют, а те так и рыскают, так и смотрят, где бы урвать себе в глотку. Тут волчьи глаза нужно иметь, чтобы за всем уследить... Ну, я уж пойду...

– Смотри, не заболей, а то мне без тебя не управиться.

– Ничего, я еще крепкая, я еще послужу вам, Оэлун-хатун, – донельзя польщенная сочувствием старшей госпожи, Хоахчин вышла из юрты.

За стеной, отдаляясь, стихли шаркающие ее шаги. Все еще пересмеиваясь, встали Хачиун и Бэлгутэй, за ними увязался Тэмугэ.

Оставшись одни, женщины примолкли. Сочигэл держала на руках заснувшую Тэмулун. Посмотрев на нее мельком, она повернулась назад, гибко изогнув свой по-девичьи тонкий стан, положила ее на овчинное одеяло.

– Жалко мне ее, – вдруг тихо сказала Оэлун.

– Кого? – Сочигэл удивленно оглянулась на нее.

– Хоахчин, – отпив из чаши арсы, ответила Оэлун.

Сочигэл молчала, недоуменно глядя на нее сбоку.

– Она как-то давно мне призналась, – продолжала Оэлун, задумчиво перебирая в руках бахрому своего синего пояса, – что вышла из знатного рода, старшего в своем племени...

– Эта Хоахчин из рода нойонов? – оживилась Сочигэл, словно обрадовавшись неожиданной новости. – Что ж тогда она всю жизнь в рабынях прожила? Почему ее не выкупили свои? Ведь она из ойратов?

– Да, наши напали на их стойбище, когда ей было девять лет. На ее глазах порубили отца и двух старших братьев, а саму с матерью и с другими пленными привезли сюда. Мать куда-то угнали, а она досталась Бартану-багатуру. Соплеменники не приехали ее выкупать, да кому

она там уже была нужна? Родителей нет, братьев нет, а родственникам – обуза. В хороший айл побывавшую в наложницах не возьмут, калым хороший не дадут. Так она и осталась здесь...

Печальный голос Оэлун тихо растворялся в тишине юрты. Сочигэл хмурила черные пушистые брови, и нельзя было понять, слушает она или размышляет о чем-то своем.

– И вот, думаю, ведь и я взята в плен, и я могла оказаться в рабынях, как эта Хоахчин. Когда десять лет назад Есугей отбил меня у меркитского Ехе-Чиледу, он мог сделать меня наложницей, а не женой, а потом мог отправить в табун доить кобыл. И Бартан-багатур, когда пригнал малолетнюю Хоахчин, если бы ему вздумалось, мог на ней жениться... Шаткая и страшная наша женская доля. С горы в один день можешь упасть в яму, а из ямы сможешь ли вознестись на вершину?...

– Да, ты говоришь верно! – вдруг ожесточенно зазвеневшим голосом заговорила Сочигэл. – Ох, как верно ты говоришь, шаткая наша доля. Я с детства была просватана за Есугея. С десяти лет начала считать дни до свадьбы. Я должна была стать его первой женой и рожать ему наследников. А ты, взятая в плен, села на мое место и еще рассказываешь мне о том, какая наша женская доля. Я ли это не знаю? – Сочигэл с силой вытерла выступившие слезы, закусила нижнюю губу. – По закону ты вместо этой Хоахчин должна была подавать мне на стол, а сейчас повелеваешь мною! – раскрасневшееся ее лицо источало еле сдерживаемую ярость, и Оэлун поняла, как еще свежа ее обида.

– До сих пор ты не можешь смириться, – она теперь ругала себя за то, что начала этот разговор.

– Как можно с этим смириться? – снова зазвенел голос Сочигэл. – Ты отобрала у меня судьбу! Ты что, не понимаешь или смеешься надо мной?

– Я не виновата перед тобой, – примирительно сказала Оэлун, тщательно подбирая слова. – Ведь нас, женщин, не спрашивают, кем мы хотим быть в этом мире, рабынями или господами. Я тебя жалею, Сочигэл, а сделать ничего не могу.

Сочигэл долго молчала, шумно дыша, подрагивая тонкими ноздрями.

– Знаю, что жалеешь, – наконец, успокоившись, сказала она и тщательно вытерла подолом халата остатки слез. – Потому и нет у меня на тебя настоящего зла. А то ты недолго прожила бы на этой земле... Ты мне лучше вот что скажи, зачем ты перед всеми подряд выдабриваешься?

– Перед кем же это я выдабриваюсь? – Оэлун, отставив чашку, которую протирала пучком травы, изумленно посмотрела на нее.

– Вот сейчас ты даже эту рабыню за стол усадила. Зачем?

Оэлун, молча взяв другую чашку, продолжала протирать. Сочигэл, нагнувшись вперед, заглядывала ей в глаза, ожидая ответа. Не дождавшись, выпрямилась и раздраженно заговорила:

– Меня ты будто жалеешь, вот и Бэлгутэя прикармливаешь, но это еще можно понять: знаешь, чей кусок проглотила, может, совесть тебя мучает, а может, мести боишься, не знаю, но перед рабами почему лебезишь? Что они тебе дадут?

Оэлун отчужденно молчала.

– Ведь ты давно укрепились здесь, родила наследников, теперь тебя никто не столкнет, а ты все продолжаешь всем угождать. Может быть, привыкла с первых дней кланяться всем без различия, а теперь не можешь отвыкнуть от этого? – Сочигэл пытливо заглядывала ей в глаза. – Не хочешь, а спина сама сгибается, лицо само улыбается, а язык издает сладкие речи?

– Тебе не понять меня, – сухо сказала Оэлун. – У нас с тобой разные души. Но знай, что если бы я была женой по сватовству, а не пленной добычей, я не была бы другой.

Сочигэл долго смотрела на нее, внимательно оглядывая ее лицо.

– Я тебе не верю, – наконец сказала она и в злой улыбке обнажила свои маленькие молочко-белые зубки. – Умная женщина тебе не поверит, разве что такие, как эта Хоахчин.

Она встала, поправляя подол халата, и, не глядя на нее, вышла.

Они снова расстались не примиренные, не понятые друг дружкой.

VIII

Сочигэл, младшая дочь онгутского тысячника, выросла в роскоши и родительском благоволении. У их племени, уже в течение семи поколений кочующего близ Длинной стены по краю китайских земель, неся пограничную службу раньше киданям, а теперь чжурчженям, все было не так как здесь, у грубых и неотесанных монголов. Дочери онгутских нойонов жили подобно высокородным китайским девицам в неге и роскоши и не марали рук в черной работе. Сочигэл училась вышивать на шелковых тканях сказочных драконов и огромные цветы лотоса, хорошо понимала китайский язык.

В их курене каждое лето с весны до осени проживали китайские купцы, торговали тканями, разными нужными в хозяйстве вещами и сладкими плодами южных деревьев. Каких только сладостей она не попробовала за свое детство – ни одному из здешних монголов не приносится за всю жизнь. За одну овцу китайцы могли целый вечер показывать перед всем куренем свое умение прыгать и переворачиваться в воздухе через голову, ходить по высоко натянутым волосным веревкам, показывать ученых собак, бегающих на задних лапах, и птиц, говорящих человеческим голосом.

Легкой и безоблачной была бы ее жизнь в родном племени, если бы с малых лет она не была отравлена страхом перед будущим. С ранних лет она знала, что просватана в дикое северное племя, не знающее ничего на свете, кроме войн и охоты на зверя. Сестры и старшие родственницы рассказывали ей, что эти люди, подобно хищным зверям, питаются сырым мясом, а запивают горячей кровью. Еще она слышала, что они беспрестанно дерутся между собою и во множестве убивают друг друга. Больше всех любил пугать ее старший брат.

– Долго ты там не проживешь, – говорил он, сочувственно глядя на нее. – В первую же зиму они тебя убьют и съедят. Сначала отрежут уши, они очень любят человеческие уши, а потом доберутся и до печени.

– Но ведь у них есть скот, – робко возражала маленькая Сочигэл, еле сдерживая слезы. – Зачем им мое мясо?

– Скот у них есть, но в бескормицу, – ловко изворачивался брат, скрывая злорадную улыбку в широких, навывкате, бычьих глазах, – или если звери сожрут их стада, они съедают своих невесток. Ведь места там дикие, кругом одни звери, рыси, тигры, волки, и скот у них долго не держится.

Отец, наверно, не стал бы выдавать младшую дочь таким дикарям, ведь есть приличные народы – найманы на Алтае, керейты на Орхоне, – если бы не заставила нужда. Племя монголов уже третье поколение враждовало с чжурчженями. Войны между ними то затихали, то вновь разгорались с удвоенной яростью, и не было видно им конца. Усилившись при Хабул-хане, монголы дважды разгромили чжурчженей. Тогда и решил дальновидный тысячник породниться с родом Хабула. Ведь онгуты служат чжурчженям, не остаются и им в стороне, если снова разразится большой пожар. А монголы злы и мстительны, придут набегом и угонят весь скот. На подобный случай и нужен был свой человек среди монголов. Войны войнами, а сваты должны выручать друг друга.

Выбор свой отец Сочигэл остановил на Баргане, втором сыне Хабул-хана. Доходили слухи, что он влиятелен в своем роду и имеет подходящих сыновей. И в одно лето отец Сочигэл поехал с богатыми подарками в главный курень монголов, остановился у Баргана. Во время пира и договорились женить четырехлетнего Есугея на двухлетней Сочигэл.

С тех пор Сочигэл с замиранием сердца ждала, когда придут страшные и злые монголы и увезут ее в свои грязные юрты. Много раз она с плачем падала на колени перед отцом, умоляя не отдавать монголам, но тот был непреклонен.

И вдруг однажды прибыл к ним Бартан-нойон, привез своего сына. Сочигэл – ей уже исполнилось десять лет – увидела Есугея, и у нее сразу исчез страх. Статный и рослый не по возрасту, с открытым, улыбочивым лицом, он сразу понравился ей. С приездом высоких гостей в их курене начались пиры и состязания, и мало кто из юношей мог сравниться с ее Есугеем в мужских играх. Даже братья Сочигэл, прошедшие воинское обучение у отца и слывшие среди первых в курене, сколько ни бились, не могли его опередить. Всем понравился жених, и Сочигэл теперь сияла гордостью. Приветливый взгляд Есугея запал в ее сердце, и с той поры она жила с новой мечтой: поскорее уехать к нему, пусть и в дикое племя.

Рада была Сочигэл, но злые духи, эти ненасытные пожиратели людского счастья, оказываются, готовили ей ловушку. Через пять лет после того приехали посланцы от Есугея и передали его слова о том, что он женился на другой, а ее, Сочигэл, может взять лишь второй женой. Отец Сочигэл согласился: к тому времени монгольский хан Амбагай, заменивший на троне Хабула, был убит чжурчженями и времена надвигались грозные. Отец приказал ей собираться.

У борджигинов Сочигэл долго не могла привыкнуть к новой жизни. Есугей и его братья, влиятельные нойоны, повелители многих тысяч, жили так, как у онгутов живут какие-нибудь сотники. Днями и ночами они носились по степи, по табунам и подданным, улаживали споры, делили пастбища, а дома появлялись только для того, чтобы сменить одежду и заседлать свежих коней.

Рабы в их айлах, не приученные к порядку, держались свободно и особенно разнузданно вели себя, казалось Сочигэл, при ней. Это сильно раздражало ее, с детства привыкшую к покорности своих служанок. Как-то, в отсутствие Есугея, она даже порывалась уехать домой, к родителям, отчаявшись приучить двух вредных рабынь к тому, чтобы по утрам подавали ей разогретую воду для умывания. Ее кое-как удержали родственники мужа, но они никак не могли понять, что ей нужно, чем она недовольна. Сами монголы не умывались и с несказанным удивлением восприняли эту ее привычку. Они даже заподозрили у нее болезнь вроде чесотки, и в первое время многие опасались приближаться к ее юрте. Старухи глухо ворчали: не в меру избалована новая невестка, от такой не жди добра.

Сам Есугей дружелюбно относился к ней, прощал ее прихоти и то, что она целыми днями полеживала на мягких шкурах в то время, когда Оэлун непрерывно была занята работой. Но Сочигэл своим женским чутьем видела, что душа Есугея принадлежит старшей жене, а к ней он приходит лишь по долгу. В отсутствие мужа она коротала одиночество, вышивая рисунки на тканях, убивала время как могла.

Понемногу и она притерпелась к простой и непривлекательной жизни. Незаметно отвыкла и умываться по утрам, и красить ресницы перед медным зеркалом.

Позже она поняла, что и здесь, у монголов, есть лучшие стороны: молодые замужние женщины живут хоть и просто, но вольно, могут без провожатых ездить по степи, могут без оглядки говорить и смеяться – за ними нет никакого присмотра. У найманов и керейтов молодые женщины, на которых налагается множество строгих запретов, о такой свободе не могли и мечтать. Своевольной Сочигэл такая жизнь была по нраву, и как-то, после долгих раздумий, она окончательно решила, что и с монголами можно как-нибудь прожить.

Но затаенное чувство презрения к ним, к их грубым нравам, приличным в ее родном племени лишь низшим людям, черной кости, сидело в ней крепко, таясь в ее молчаливых взглядах из-под длинных, изогнутых ресниц. Это чувство с самого начала было нацелено на Оэлун, ее соперницу: дорвалась до нойонского ложа, а сама ходит в телячьих шкурах и смазывает руки коровьим маслом. С плохо скрытой усмешкой она смотрела на нее, когда та бралась за подойник и сама варила еду для детей. Сравнивала себя с ней. Стройна, красива Оэлун, но ведь она, Сочигэл, не хуже, а намного лучше, с детства приучена за собой смотреть, шелковые халаты меняет каждый день, расшитые унты из дорогого бархата всегда чисты, китайского сундука с благовониями и мазями, привезенными в приданое, хватит на всю жизнь. У Оэлун руки всегда

в саже от очажного котла или в овечьем жиру, в зеркало не приучена смотреть. Бегаёт по айлу наравне с рабынями, а она, Сочигэл, восседает в юрте, как подобает истинной госпоже...

В первое время Сочигэл ещё надеялась, что зачарует мужа и вернет его к себе. Родила Бэктэра, парня крепкого в плечах и икрах, – настоящего царевича, потом и Бэлгутэя. В дни, когда Есугей навещал её, старалась изо всех сил, чтобы ублажить его. Она видела, что сильно нравится ему, муж любовался ею, когда она голая возлежала на мягких шкурах, до беспамятства распался в горячих ласках с ней, но все было напрасно, жил он в юрте старшей жены, значит, и душа его была там, у Оэлун.

Со временем она стала понимать, что не перещеголять ей старшую жену, не сравниться с ней. Ведь Оэлун живет для мужа, для детей и о себе самой забывает в заботе о них. За них она продаст себя в рабство и выкупит, если надо будет, умрет и воскреснет. Как волчица она выблюет съеденное и накормит детей. Если и этого не будет, не задумываясь, отрубит правой рукой свою левую, сварит и разделит между ними. Сочигэл знала, что сама она так не сможет. Поняла она это, и все ей стало безразлично.

«Буду жить, как живется, – решила она. – Нужды и опасности нет, а большего мне и не нужно».

Лишь изредка ядовитой горечью на сердце просыпалась в ней досада на свою судьбу. Тогда она жалела себя и, затаив свои мысли, тихо злилась на Есугея, на Оэлун и их детей. Только с рабами в такие дни она обращалась безжалостно, хлестала нерасторопных плеткой, заставляла их бегать рысью, исполняя ее приказания.

Однажды, в один из таких дней, Сочигэл выпила архи, чтобы затушить огонь в душе, да не в меру. Пьяная сказала семилетнему Бэктэру:

– Ты, мой сын, должен был быть старшим наследником, а не Тэмуджин, знай и помни об этом. Может быть, боги, наконец, вспомнят о нас, и тогда ты сможешь вернуть принадлежащее тебе по праву.

Проболталась она с пьяной злобы, а утром со слезами уговаривала Бэктэра забыть про все и не говорить никому: узнает отец и казнит их обоих, не пожалеет. Взяла с Бэктэра клятву, и с тех пор тот, с детства избалованный ею и невоздержанный, вдруг стал замкнут и скрытен. Даже ей самой не всегда удавалось выудить то, что лежит у него на душе. Страшно становилось ей, когда она видела по-волчьи мерцающие, холодные глаза сына. То она боялась, что сын выдаст их тайну, то ей казалось, что со зла он натворит что-нибудь непоправимое и погубит себя. Жила со своим страхом, на людях скрывая его беспечным звонким смехом или сварливой руганью на рабынь за грязную воду из реки в ветреную погоду.

IX

На третий день Есугея из табуна вызвали нойоны: приехали послы из какого-то дальнего племени. Оставив сыновей у Сорхона, он спешно отбыл в курень.

Жизнь в табуне шла налаженным, устоявшимся порядком. Как только начинали гаснуть звезды на небе и синевой занималось на востоке, зычный окрик Сорхона будил парней, спавших вповалку у потухших кострищ. Со степи подгоняли табун. Сначала седлали объезженных накануне и те, кто их приручал, снова садились на них и пускались в дальний пробег по степи, на весь день. Остальные ловили из табуна новых дикарей.

Дни проходили в суматохе объездки, шуме криков, конского топота и ржания. Изредка кто-то попадал под копыта, покалеченных увозили, те же, кто отделался ушибами, отлеживались в тени юрты и снова принимались за дело.

Едва лишь солнце, завершив небесный ход, садилось за горами Хэнтэя, Сорхон останавливал работу. Больше всего он опасался того, чтобы злые духи, обычно во множестве появляющиеся с вечерними сумерками, не натворили беды. Опаснее всего сейчас были лошадиные

духи – души умерших раньше в этих местах лошадей. Обычно в это время, собираясь возле конских табунов, они пытаются увести с собой лошадей в мир мертвых. Да и души умерших людей часто пытаются сесть на живых лошадей. Такие кони заболевают непонятной болезнью, тощуют и издыхают в несколько дней.

Сорхон был уверен, что вся эта нечисть, падкая на легкую поживу, сейчас роем кружится вокруг. А во время объездки молодые кони особенно уязвимы. Они пугливы и злобны, души их мечутся в страхе и легко могут покинуть свои тела. Тут-то и подстерегают их потусторонние духи, невидимые для людских глаз. Обычно от этого и начинается падеж в табунах. Того, кто забыв про это, даже нечаянно пугал лошадей в пору сумерек, Сорхон жестоко наказывал плетьюми.

После работы табун гоняли на водопой, купали их в броду. Купались сами, смывая с себя дневную усталость и пот. Пока резали овец из жиденкой отары, что паслась в сторонке, и варили мясо в больших походных котлах, темнело. С десяток с лишним костров до поздней ночи ярко светили во тьме. Протяжные песни о далеких походах предков, веселый гомон молодых голосов, то и дело перекрывавшиеся громами хохота, разносились далеко по степи.

С отъездом Есугея-нойона, несмотря на твердую руку Сорхона, как-то неуловимо повеяло вольным духом. Пропала деланая скромность среди старших парней, громче стали их окрики на младших, щедрее стали подзатыльники.

Тэмуджин после первой оплошности с иноходцами еще один день пробыл с ними, а потом Сорхон перевел его на объездку. На смену ему заступил парень старше его года на три, на его глазах объездивший четырехлетнего дикаря, и, увидев это, Тэмуджин успокоился окончательно.

Поздним вечером, рассевшись вокруг догорающего костра, парни доедали мясо из котла, из засаленных, черных от грязи и жира деревянных чашек хлебали суп с густым крошечком дикого лука и черемши. С далеких северных гор с ветерком доносилась слабая, еле ощутимая прохлада.

Тэмуджин, насытившись, лежал на траве, облокотившись о сложенный вчетверо потник. Наискосок против него сидел Бэктэр с поджатыми под себя ногами, сухой травинкой ковырял в зубах, исподлобья глядя на пламя костра. Тэмуджин не переставал удивляться тому, как сильно изменился тот после приезда сюда. Дома угрюмый и нелюдимый, здесь он быстро сошелся со всеми, стал вдруг весел и разговорчив. С Тэмуджином он стал держаться вызывающе независимо. Особенно заметно это стало с отъездом отца: Бэктэр перестал разговаривать с ним совсем, на вопросы неприязненно бросал одно-два слова и отворачивался.

Кострища здесь разделялись по возрастам объездчиков, и они, оба года кабана, попали к одному котлу, но жили между собой почти как незнакомые. Тэмуджин видел, как того пьянила здешняя воля. Здесь считались с сильными и ловкими, и Бэктэр изо всех сил старался показать себя. Без страха он вскакивал на обезумевшего дикаря, неутомимо выдерживал его метания и прыжки, падал и тут же снова оказывался в седле, неотвязным упорством укрощая его нрав. Вскоре его заметили, похвалил сам Сорхон, что было редкостью, и он уже на равных разговаривал с парнями постарше. На ровесников он теперь посматривал уже свысока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.